ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ

Трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ

Переводъ П. Гиберманъ

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
LIÈGE

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛУЛУ.
АЛЬВА ШЕНЪ. ЛИТЕРАТОРЪ.
РОДРИГО КВАСТИ. АТЛЕТЪ.
ШИГОЛЬХЪ.
АЛЬФРЕДЪ ГУГЕНБЕРГЪ. ВОСПИТАННИКЪ ИСПРАВИТЕЛЬНАГО ЗАВЕДЕНІЯ.
ГРАФИНЯ ГЕШВИЦЪ.
ГРАФЪ КАСТИ-ПІАНИ.
БАНКИРЪ ПУНТШУ.
ЖУРНАЛИСТЪ ГЕЙЛЬМАНЪ.
МАДЕЛЕНА ДЕ-МАРЕЛЛЬ.
КАДЕГА-ДИ-САНТА ТРОЦЕ. ЕЯ ДОЧЬ.
БІАНЕТТА ГАЦИЛЬ.
ЛЮДМИЛА ЩТЕЙНГЕРЦЪ.
АРМАНДА. ГОРНИЧНАЯ.
БОБЪ. МАЛЬЧИКЪ ПРИ ПОДЪЕМНОЙ МАШИНѢ.
ПОЛИЦЕЙСКІЙ КОМИССАРЪ.
МИСТЕРЪ ГОПКИНСЪ.
КУНГУ ПОТИ. ПРИНЦЪ ИЗЪ ЦАГУБЕ.
ДОКТОРЪ ГИЛЬТЦЪ. ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТЪ.
ДЖЭКЪ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ БОЛЬШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ ГОРОДОВЪ, ВТОРОЕ—ВЪ ПАРИЖѢ, ТРЕТЬЕ—ВЪ ЛОНДОНѢ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Роскошный залъ въ стилѣ нѣмецкаго ренессанса, съ тяжелымъ плафономъ изъ рѣзного дуба. Стѣны до половины покрыты рѣзьбой изъ дерева, выше съ обѣихъ сторонъ поблекшіе гобелены. Сзади залъ наверху замыкается завѣшанной галлереей, съ которой справа спускается до середины сцены монументальная лѣстница. Посрединѣ, подъ галлереей, находится входная дверь съ извитыми колоннами и фронтисписомъ. У лѣвой стѣны большой, высокій каминъ, ближе спереди—балконное окно, съ опущенными тяжелыми гардинами. У правой стѣны, у подножія лѣстницы, спущенныя портьеры.

Передъ колонкой, у свободныхъ перилъ лѣстницы, стоитъ пустой декоративный мольбертъ. Справа спереди—широкая оттоманка, посреди зала—четырехугольный столъ, вокругъ котораго стоятъ 3 стула съ обивкой, съ высокими спинками. Слѣва спереди—небольшой столовый столъ, подлѣ него—кресло.

Залъ слабо освѣщенъ керосиновой лампой съ большимъ абажуромъ, стоящей на среднемъ столѣ. Альва Шенъ ходитъ взадъ и впередъ передъ входной дверью. На оттоманкѣ сидитъ Родриго, одѣтый слугой. Слѣва, въ креслѣ, въ черномъ платьѣ въ обтяжку, вся обложенная подушками, съ плэдомъ на колѣняхъ, сидитъ графиня Гешвицъ. Подлѣ нея на столѣ стоитъ кофейникъ и чашка чернаго кофе.

Родриго.

Онъ заставляетъ себя ждать, точно концертмейстеръ!

Гешвицъ.

Заклинаю васъ, молчите!

Родриго.

И вы хотите, чтобы клапанъ былъ закрытъ, когда голова такъ набита, какъ у меня!—Я совершенно не могу допустить, чтобы она еще измѣнилась къ лучшему!

Гешвицъ.

Я никогда не видала ее такой прекрасной!

Родриго.

Упаси меня Богъ, чтобы строить свое счастье, руководясь вашими вкусами! Если болѣзнь и ей такъ пошла въ прокъ, какъ вамъ, тогда мнѣ—

капутъ! Вы вышли изъ холернаго барака похожей на изувѣченнаго клоуна, который съ горя сдѣлался фокусникомъ голоданія. Вы почти что не въ состояніи сами высморкаться. Вамъ нужно при этомъ чуть не ¼ часа, чтобы собрать свои пальцы, а потомъ величайшая осторожность, чтобы не отломить кончикъ носа.

Гешвицъ

Что насъ сводитъ въ могилу, ей даетъ снова силу и здоровье.

Родриго.

Все это прекрасно. Но вѣдь сегодня, надо полагать, я не поѣду съ нею.

Гешвицъ.

Вы какъ будто хотите отпустить свою невѣсту одну?

Родриго.

Во-первыхъ, съ ней вѣдь старикъ ѣдетъ, чтобы защитить ее въ случаѣ надобности. Мое присутствіе можетъ только навлечь на нее подозрѣніе. А во-вторыхъ, я еще долженъ здѣсь подождать, пока будутъ готовы мои костюмы.—Въ Парижъ я никогда не опоздаю. А она пока, быть можетъ, немножко жиру нагуляетъ. Затѣмъ мы поженимся—разумѣется, если ее можно будетъ показывать приличной публикѣ. Я люблю въ женщинѣ практическую сторону, а какія она себѣ строитъ теоріи, мнѣ рѣшительно все равно. Вы не такого мнѣнія, г. докторъ?

Альва.

Я не слыхалъ, что вы сказали.

Родриго.

Я бы и не сталъ совсѣмъ впутываться въ это дѣло, если бы она мнѣ не щекотала постоянно пятки еще до того, какъ была осуждена. Не вздумала бы она только слишкомъ много бѣгать въ Парижѣ! Не будь я ангажированъ въ „Follies bergères“, я бы повезъ ее на полгода въ Лондонъ и сталъ бы ее кормить плумъ-пуддингомъ. Въ Лондонѣ расцвѣтаешь ужъ отъ одного только морского воздуха. Кромѣ того, въ Лондонѣ не будешь чувствовать за каждымъ глоткомъ пива, что тебѣ грозитъ петля на шею.

Альва.

Вотъ уже недѣля, какъ я все спрашиваю себя: могъ ли бы еще быть героемъ современной драмы человѣкъ, приговоренный къ тюремному заключенію?

Гешвицъ.

Хоть бы онъ пришелъ, наконецъ!

Родриго.

Я еще долженъ также выкупить здѣсь свои вещи изъ ломбарда: 40 пудовъ первосортнаго желѣза. Провозъ его мнѣ всегда стоитъ втрое больше, чѣмъ мой собственный билетъ, хотя всѣ эти вещи не стоятъ и мѣдной пуговицы. Когда я принесъ ихъ, обливаясь потомъ, въ ломбардъ, меня спросили тамъ, настоящія ли они.—Костюмы слѣдовало бы собственно заказать въ Парижѣ. Парижанинъ сразу замѣчаетъ, что у кого хорошо, и смѣло выставляетъ это на показъ. Но этому не научишься на хромоножкахъ; это нужно изучить на человѣкѣ съ классическимъ правильнымъ сложеніемъ. Здѣсь боятся обнаженнаго тѣла, какъ въ Парижѣ динамитныхъ бомбъ. Два года тому назадъ съ меня слупили въ театрѣ Альгамбра пятьдесятъ марокъ штрафа за то, что у меня виднѣлось два-три волоска на груди—не больше, чѣмъ нужно на порядочную зубную щетку. Но министръ народнаго просвѣщенія полагалъ, вѣроятно, что школьницы потеряютъ изъ-за этого любовь къ вязанію чулокъ. Съ тѣхъ поръ я каждый мѣсяцъ бреюсь.

Альва.

Если бы „Властитель міра“ не требовалъ напряженія всѣхъ моихъ духовныхъ силъ, я бы занялся этой проблеммой. Проклятіе, тяготѣющее надъ нашей молодой нѣмецкой литературой, заключается въ томъ, что мы, поэты, слишкомъ ушли въ литературу. Мы знаемъ только тѣ вопросы и задачи, которые возникаютъ въ средѣ литераторовъ и ученыхъ. Кругъ нашихъ понятій не выходитъ за предѣлы нашихъ цеховыхъ интересовъ. Чтобы выйти на стезю великаго, мощнаго искусства, мы должны были бы по возможности больше вращаться среди людей, которые никогда въ жизни не читали ни одной книги, которые въ своихъ поступкахъ руководятся простѣйшими животными инстинктами. Въ своей „Пляскѣ мертвецовъ“ я изо всѣхъ силъ старался слѣдовать уже именно этимъ принципамъ. Женщина, послужившая мнѣ моделью для героини пьесы, сидитъ, вотъ уже годъ, за рѣшеткой. Зато пьеса была, къ удивленію, поставлена — правда, только вольно-литературнымъ обществомъ. Пока отецъ мой былъ живъ, всѣ нѣмецкія сцены были открыты для моихъ произведеній, но теперь это сильно измѣнилось.

Родриго.

Я заказалъ себѣ трико самаго нѣжнаго зелено-голубого цвѣта. Если оно не будетъ имѣть въ Парижѣ успѣха, пусть я буду продавцомъ мышеловокъ!.. Штанишки такъ плотно облегаютъ тѣло, что я не могу въ нихъ присѣсть даже на край стола. Благопріятное впечатлѣніе портятъ только

послѣдствія ужаснаго лѣченія, которымъ я обязанъ дѣятельному участію въ этомъ великолѣпномъ заговорѣ. Три мѣсяца пролежать въ больницѣ съ здоровыми членами—да тутъ самый жалкій бродяга превратится въ откормленную свинью. Съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ, я не ѣмъ ничего, кромѣ карлсбадскихъ пастилекъ; день и ночь у меня не прекращается музыка въ кишкахъ. Пока я пріѣду въ Парижъ, это такъ изведетъ меня, что я не въ состояніи буду поднять пробку.

Гешвицъ.

Вотъ наслажденье было видѣть, какъ она избѣжала всѣхъ сторожей, въ больницѣ. Садъ точно вымеръ. Былъ чудеснѣйшій яркій полдень, но выздоравливающіе не рѣшались выйти на воздухъ. Она пошла далеко за бараки, къ шелковичнымъ деревьямъ. Портье узналъ меня, и одинъ врачъ встрѣтивъ меня въ корридорѣ, вздрогнулъ, точно отъ револьвернаго выстрѣла. Больничныя сестры шмыгали по залѣ, или стояли у стѣны. Когда я возвращалась, ни въ саду, ни у воротъ не было ни души. Нельзя было выбрать болѣе удобнаго случая, если бы мы только имѣли эти проклятые паспорта. А человѣкъ этотъ говоритъ теперь, что онъ не поѣдетъ съ ней?

Родриго.

Я понимаю бѣдныхъ больничныхъ товарищей. У одного больная нога, у другого распухла щека—вотъ и носится передъ ними, собственной персоной, агентъ страхованія на случай смерти... Въ рыцарскихъ колоннахъ—такъ называется благословенное отдѣленіе больницы, изъ котораго я устроилъ свое шпіонство—когда тамъ распространилась вѣсть, что умерла сестра Теофилія, ни одного изъ этихъ молодцовъ нельзя было удержать въ постели. Они лазили наверхъ—къ рѣшеткамъ окна, хотя имъ и приходилось влачить за собой свои десятипудовыя, по тяжести, болѣзни. Въ жизни своей я не слыхалъ такихъ проклятій.

Альва.

Позвольте мнѣ, фрейлейнъ Гешвицъ, еще разъ вернуться къ моему предложенію. Та женщина убила въ этой комнатѣ моего отца; я могу, однако, видѣть въ этомъ убійствѣ и въ наказаніи только несчастье, которое постигло ее. Я думаю, если бы отецъ мой не умеръ, онъ и самъ не отказался бы оказать ей посильную помощь. Я не хотѣлъ бы обезкураживать васъ, но мнѣ все еще кажется сомнительнымъ, удастся ли вамъ выполнить свой планъ освобожденія. Но я не нахожу словъ, чтобы выразить удивленіе, которое мнѣ внушаетъ ваша самоотверженность, ваша способность дѣйствовать, ваше сверхчеловѣческое презрѣніе къ смерти. Я не думаю, чтобы мужчина когда-нибудь ставилъ столько на карту даже для женщины, не говоря уже о другѣ. Я не знаю, фрейлейнъ Гешвицъ, насколько вы богаты;

но расходы по этому дѣлу должны были разстроить ваше состояніе. Могу ли я вамъ предложить ссуду въ 20 тысячъ марокъ, полученіе которыхъ наличными деньгами не сопряжено для меня ни съ какими трудностями?

Гешвицъ.

Какъ мы торжествовали, когда сестра Теофилія счастливо умерла! Съ того дня мы были безъ надзора. Мы могли свободно мѣнять постели. Я ей сдѣлала мою прическу, а сама старалась подражать каждому звуку ея голоса. Когда пришелъ профессоръ, онъ обратился къ ней со словами: „Милостивая государыня“, а мнѣ сказалъ: „здѣсь живется лучше, чѣмъ въ тюрьмѣ“!—Когда сестра не приходила, мы съ напряженіемъ смотрѣли другъ на друга. Мы обѣ были больны пять дней, и теперь дѣло должно было разрѣшиться. На слѣдующее утро пришелъ докторъ, ассистентъ.—„Какъ поживаетъ сестра?“—„Умерла!“—Мы переглянулись за его спиной, и когда онъ вышелъ, мы бросились другъ другу въ объятія: „Слава Богу! Слава Богу!“—Сколькихъ трудовъ стоило, чтобы моя любимица не выдала, насколько она уже поправилась!—„Тебѣ предстоитъ просидѣть девять лѣтъ въ тюрьмѣ!“—твердила я ей съ утра до ночи.—Да теперь ее, вѣроятно, и трехъ дней уже не оставятъ въ холерномъ баракѣ.

Родриго.

Я пролежалъ въ больницѣ полныхъ три мѣсяца, чтобы зондировать почву, но раньше долженъ былъ съ великимъ трудомъ запастись всѣми необходимыми качествами для такого продолжительнаго лежанія. А теперь я, г. докторъ, играю въ вашемъ домѣ роль камердинера, чтобы сюда не проникла чужая прислуга. Гдѣ и когда женихъ сдѣлалъ больше для своей невѣсты! Мои денежныя дѣла также разстроены.

Альва.

Если вамъ удастся сдѣлать изъ этой женщины приличную артистку, это будетъ съ вашей стороны большая заслуга передъ обществомъ. Красота и темпераментъ, которые она должна проявить изъ тайниковъ своей природы, заставятъ смотрѣть на нее, затаивъ дыханіе, даже самую разочарованную публику. Къ тому же, изображеніе страданій на сценѣ предохранило бы ее отъ возможности вторично сдѣлаться преступницей.

Родриго.

Ужъ я изъ нея выгоню ея штуки!

Гешвицъ.

Онъ идетъ!

BIBLIOTHÈQUE RUSSE

(На галлереѣ раздаются шаги; затѣмъ занавѣсъ надъ лѣстницей раздвигается, и входитъ Шигольхъ, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ бѣлымъ зонтикомъ въ правой рукѣ).

Шигольхъ.

Проклятая темнота!—А на улицѣ глаза могутъ сгорѣть отъ солнца.

Гешвицъ (съ трудомъ освобождаясь отъ плэда, въ который она завернута).

Я сейчасъ иду!

Родриго.

Ваша милость, графиня, вотъ уже три дня, какъ не видали дневного свѣта. Мы живемъ здѣсь точно въ табакеркѣ.

Шигольхъ.

Съ девяти часовъ утра я бѣгаю сегодня по разнымъ ветошникамъ. Я отослалъ черезъ Бремергафенъ въ Америку три совершенно новыхъ сундука, набитыхъ старыми брюками. Ноги мои болтаются точно языкъ колокола. Въ Парижѣ будетъ другая жизнь!

Родриго.

Гдѣ вы хотите остановиться въ Парижѣ?

Шигольхъ.

Надѣюсь, не въ тюремной гостиницѣ опять!

Родриго.

Я могу вамъ порекомендовать гостиницу „Монтеспанъ“ на бульварѣ Рошешуаръ. Я жилъ тамъ съ одной укротительницей львовъ. Хозяева урожденные берлинцы.

Гешвицъ (выпрямляясь въ креслѣ).

Помогите же мнѣ!

Родриго (спѣшитъ къ ней и поддерживаетъ ее).

Къ тому же вы тамъ будете безопаснѣе отъ полиціи, чѣмъ на самой высокой башнѣ!

Гешвицъ.

Онъ хочетъ отпустить ее съ вами сегодня одну.

Шигольхъ.

У него вѣрно не зажили еще его шишки!

Родриго.

Вы хотите, чтобы я предсталъ передъ „Follies bergères“ въ халатѣ и туфляхъ?

Шигольхъ.

Гм...—сестра Теофилія также не увидала бы такъ скоро неба, если бы ее не согрѣвала сильная любовь къ нашей паціенткѣ.

Родриго.

А если кому придется заслужить у нея свой медовый мѣсяцъ, такъ она ему еще и не такъ покажетъ себя. Во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ ей раньше немножко провѣтриться.

Альва (съ портфелемъ въ рукѣ, къ Гешвицъ, которая сидитъ у средняго стола, опершись на спинку стула).

Въ этомъ портфелѣ 10 тысячъ марокъ.

Гешвицъ.

Благодарю, не надо.

Альва.

Прошу васъ, возьмите.

Гешвицъ (Шигольху).

Пойдемте же, наконецъ!

Шигольхъ.

Терпѣніе, фрейлейнъ. Вѣдь это въ двухъ шагахъ отсюда, по Госпитальной улицѣ.—Черезъ пять минутъ я буду съ ней здѣсь.

Альва.

Вы приведете ее сюда?

Шигольхъ.

Я приведу ее сюда.—Или вы боитесь за свое здоровье?

Альва.

Вы видите,—я ничего не боюсь.

Родриго.

По послѣднему телеграфному сообщенію, г. докторъ находится на пути въ Константинополь, чтобы поставить тамъ передъ султаномъ свой „Танецъ мертвецовъ“, при участіи гаремныхъ наложницъ и евнуховъ.

Альва (открывая среднюю дверь подъ галлереей).

Здѣсь вамъ будетъ ближе (Шигольхъ и графиня Гешвицъ уходятъ. Альва запираетъ за ними дверь).

Родриго.

Вы хотѣли дать денегъ этой сумасшедшей...

Альва.

Какое вамъ до этого дѣло?!

Родриго.

Меня вознаграждаютъ, какъ какого-нибудь фонарщика, хотя я долженъ былъ развратить всѣхъ сестеръ въ больницѣ, затѣмъ пришелъ чередъ ассистентовъ и „тайныхъ совѣтниковъ“, а затѣмъ...

Альва.

Вы серьезно хотите убѣдить меня, что имѣли вліяніе на врачей-ассистентовъ?

Родриго.

На деньги, которыхъ мнѣ стоили эти собаки, я могъ бы сдѣлаться въ Америкѣ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Альва.

Фрейлейнъ Гешвицъ вѣдь вернула вамъ каждый истраченный вами грошъ. Насколько мнѣ извѣстно, вы еще получаете отъ нея кромѣ того 500 марокъ жалованья въ мѣсяцъ. Иной разъ, право, довольно трудно повѣрить въ вашу любовь къ заключенной. Если я просилъ сейчасъ фрейлейнъ Гешвицъ принять мою помощь, такъ не затѣмъ, конечно, чтобы разжечь вашу ненасытную жажду къ деньгамъ. Я далеко не чувствую къ вамъ того удивленія, которое возбудила во мнѣ въ этомъ дѣлѣ фрейлейнъ Гешвицъ. Мнѣ вообще не ясно, чего вы требуете отъ меня. То обстоятельство, что вы случайно присутствовали при убійствѣ моего отца, еще не установило между мной и вами ни малѣйшей родственной связи. Зато я совершенно убѣжденъ, что если бы вамъ не подвернулось кстати геройское пред-

пріятіе Гешвицъ, вы бы валялись теперь гдѣ-нибудь пьянымъ въ канавѣ, безъ гроша въ карманѣ..

Родриго.

А знаете, что было бы съ вами, если бы вы не продали за два милліона газету вашего отца, пригодную на оберточную бумагу? Вы сошлись бы съ самой дохлой балетчицей и служили бы теперь на конюшнѣ въ циркѣ Гумпельмейера. Какая въ самомъ дѣлѣ ваша работа?—Вы написали самую ужасную драму, въ которой икры моей невѣсты представляютъ главныхъ героинь, и которую ни одинъ приличный театръ не хочетъ поставить. Вы ночной колпакъ, вы! Два года тому назадъ здѣсь у меня еще балансировали на груди двѣ осѣдланныя кавалерійскія лошади!—Какъ это будетъ теперь, послѣ жестокаго сѣченія, для меня пока, конечно, загадка... То-то француженки получатъ хорошее представленіе о нѣмецкомъ искусствѣ, когда онѣ увидятъ, какъ у меня отъ каждаго лишняго фунта каплетъ потъ черезъ трико! Я всю залу заражу своими испареніями.

Альва.

Вы безхарактерная тряпка!

Родриго.

Дай Богъ, чтобы вы были правы! Или вы, можетъ быть, хотѣли обидѣть меня?—Тогда я вамъ такъ подставлю ногу подъ челюсть, что у васъ языкъ выскочитъ!

Альва.

Попробуйте только!

(Снаружи слышатся голоса и шаги).

Альва.

Что это...?

Родриго.

Это ваше счастье, что здѣсь нѣтъ публики.

Альва.

Кто бы это могъ быть?

Родриго.

Это моя возлюбленная! Вотъ уже цѣлый годъ, какъ мы не видались.

Альва.

Гдѣ же имъ вернуться такъ скоро!—Кто же это можетъ быть? Я никого не жду.

Родриго.

Чортъ возьми! Такъ отоприте же двери!

Альва.

Спрячьтесь.

Родриго.

Я стану за портьеру. Годъ тому назадъ я тоже разъ стоялъ здѣсь.

(Родриго исчезаетъ за портьерой справа кпереди. Альва открываетъ среднюю дверь, входитъ Альфредъ Гугенбергъ, съ шляпой въ рукѣ).

Альва.

Съ кѣмъ имѣю честь... Вы?—Вы не...?

Гугенбергъ.

Альфредъ Гугенбергъ.

Альва.

Что вамъ угодно?

Гугенбергъ.

Я изъ Мюнстерберга. Я сегодня утромъ бѣжалъ.

Альва.

Я страдаю глазами. Я принужденъ держать жалузи опущенными.

Гугенбергъ.

Мнѣ нужна ваша помощь, вы мнѣ не откажете въ ней. Я придумалъ цѣлый планъ. Насъ никто не услышитъ?

Альва.

О чемъ вы говорите?—Какой планъ?

Гугенбергъ.

Вы здѣсь одни?

Альва.

Да.—Что вы хотѣли сообщить мнѣ?

Гугенбергъ.

Я уже отказался, одинъ за другимъ, отъ двухъ плановъ. Но то, что я скажу вамъ теперь, обдумано зато до мельчайшихъ возможныхъ случай-

ностей. Будь у меня деньги, я бы не искалъ вашего довѣрія. Я долго думалъ объ этомъ— — — Вы позволите мнѣ изложить вамъ свою программу?

Альва.

Не угодно ли вамъ будетъ сказать мнѣ, о чемъ вы собственно говорите?

Гугенбергъ.

Не можетъ быть, чтобы вы были такъ равнодушны къ этой женщинѣ, чтобы я долженъ былъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Ваши показанія судебному слѣдователю принесли ей больше пользы, чѣмъ все, что говорилъ защитникъ.

Альва.

Я запрещаю вамъ подобную подтасовку фактовъ.

Гугенбергъ.

Это вы только говорите такъ, я это, конечно, понимаю, но вѣдь вы были наиболѣе оправдывающимъ ее свидѣтелемъ.

Альва.

Вы тотъ!.. Вы говорили, что мой отецъ хотѣлъ ее заставить, чтобы она сама застрѣлилась.

Гугенбергъ.

Такъ оно и было. Но мнѣ не повѣрили. Меня не привели къ присягѣ.

Альва.

Откуда вы теперь?

Гугенбергъ.

Изъ одного исправительнаго заведенія, изъ котораго я бѣжалъ сегодня утромъ.

Альва.

И какія у васъ намѣренія?

Гугенбергъ.

Я хочу вкрасться въ довѣріе къ тюремному ключнику.

Альва.

Чѣмъ же вы будете жить?

Гугенбергъ.

Я живу у одной проститутки, которая имѣетъ ребенка отъ моего отца.

Альва.

Кто вашъ отецъ?

Гугенбергъ.

Директоръ полиціи. Я знаю тюрьму, хотя никогда не былъ въ ней. И въ такомъ видѣ, какъ я теперь, меня ни одинъ надзиратель не узнаетъ. Да я на это вовсе и не разсчитываю. Я знаю тамъ желѣзную лѣстницу, по которой можно, черезъ первый дворъ влѣзть на крышу, а оттуда черезъ люкъ на чердакъ. Снутри туда нѣтъ хода. Но во всѣхъ пяти флигеляхъ подъ крышей лежатъ доски, брусья и большая куча щепъ. Я принесу все это съ пяти концовъ въ одно мѣсто и подожгу. У меня всѣ карманы набиты зажигательнымъ матерьяломъ, какъ это всегда дѣлается для поджога.

Альва.

Но вѣдь вы тогда сгорите!

Гугенбергъ.

Конечно, если меня не спасутъ.—Но чтобы пройти въ первый дворъ, я долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи ключника. А для этого мнѣ нужны деньги. Не то, чтобы я хотѣлъ его подкупить—это бы не удалось. Но я долженъ раньше дать ему взаймы денегъ, чтобы онъ могъ отправить на свѣжій воздухъ своихъ троихъ дѣтей. Затѣмъ, въ 4 часа утра, когда отпускаютъ отбывшихъ наказаніе лицъ изъ почтенныхъ семействъ, я протолкаюсь въ дверь, и ключникъ запретъ ее за мной. Онъ спроситъ меня, что мнѣ нужно, я попрошу его вечеромъ выпустить меня. И раньше, чѣмъ наступитъ разсвѣтъ, я буду на чердакѣ.

Альва.

Какъ вы убѣжали изъ исправительнаго заведенія?

Гугенбергъ.

Я выпрыгнулъ въ окно. Мнѣ нужно 200 марокъ, чтобы этотъ парень могъ отправить свою семью на лѣто на свѣжій воздухъ.

Родриго (выходя изъ-за портьеры).

Угодно ли будетъ г. барону, чтобы я подалъ кофе въ концертномъ залѣ или на верандѣ?

Гугенбергъ.

Откуда взялся этотъ человѣкъ?!—Изъ той же двери!—Онъ выскочилъ изъ той же двери!

Альва.

Я взялъ его въ услуженіе. На него можно положиться.

Гугенбергъ (хватаясь за виски).

О, я дуракъ!—О, я дуракъ!

Родриго.

Да, да, мы уже видѣлись здѣсь. Убирайтесь-ка лучше къ своей вице-мама! Вашъ братецъ очень хотѣлъ бы сдѣлаться дядей своихъ братьевъ и сестеръ. Сдѣлайте-ка вашего батюшку дѣдушкой своихъ дѣтей. Намъ только васъ недоставало! Если вы только попадетесь мнѣ на глаза въ слѣдующія двѣ недѣли, я расквашу вамъ вашу тыкву.

Альва.

Успокойтесь!

Гугенбергъ.

О, я дуракъ!

Родриго.

Что это вы выдумали со своимъ поджогомъ! Развѣ вы не знаете, что эта женщина умерла 3 недѣли тому назадъ?

Гугенбергъ.

Ей отрубили голову?

Родриго.

Нѣтъ, голова у нея пока есть, но она сдохла отъ холеры.

Гугенбергъ.

Это неправда.

Родриго.

Много вы знаете!—Вотъ, читайте! (Вытаскиваетъ газету и указываетъ на замѣтку въ ней). „Убійца д-ра Шена...“ (передаетъ газету Гугенбергу).

Гугенбергъ (читаетъ).

„Убійца доктора Шена непонятнымъ образомъ заболѣла въ тюрьмѣ холерой“.—Здѣсь не написано, что она умерла.

Родриго.

А что же она сдѣлала другое? Она уже три недѣли лежитъ на кладбищѣ. Въ лѣвомъ углу кзади, гдѣ стоятъ маленькіе безымянные кресты; она

лежитъ подъ первымъ. Вы узнаете это мѣсто по тому, что на немъ трава не растетъ. Повѣсьте тамъ жестяный вѣнокъ и отправляйтесь назадъ въ свой дѣтскій пріютъ, не то я донесу на васъ полиціи. Я знаю ту женщину, которая услаждаетъ себя вашими ласками въ часы досуга.

Гугенбергъ.

Правда ли, что она умерла?

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
LIÉGE

Альва.

Къ счастью, да!—Прошу васъ не утруждать меня болѣе. Мой докторъ запретилъ мнѣ принимать визиты.

Гугенбергъ.

Отнынѣ мое будущее ничего не стоитъ. То немногое, чѣмъ я еще дорожилъ въ жизни, я такъ охотно отдалъ бы за ея счастье!—Плевать! Все равно пропаду къ чорту!

Родриго.

Если вы осмѣлитесь еще разъ обратиться сюда зачѣмъ-либо ко мнѣ, къ доктору, или къ моему почтенному другу Шигольху, я донесу на васъ, что вы хотѣли произвести поджогъ. Вамъ нужны три года тюрьмы, чтобы понять, гдѣ вамъ не мѣсто.—А теперь—вонъ!

Гугенбергъ.

О, я дуракъ!

Родриго.

Вонъ!! (Выбрасываетъ Гугенберга за дверь. Возвращается). Удивляюсь, какъ это вы не предложили своего кошелька и этому ягненку.

Альва.

Я запрещаю вамъ ваши неприличныя выходки! Вы не стоите мизинца этого юноши.

Родриго.

Съ меня достаточно уже компаніи этой Гешвицъ. Если невѣста моя должна принадлежать къ обществу съ ограниченіемъ правъ, такъ пусть мое мѣсто займетъ кто-нибудь другой. Я хочу сдѣлать изъ нея великолѣпнѣйшую гимнастку и ради этого охотно ставлю на карту даже свое здоровье. Но потомъ я буду хозяиномъ въ домѣ, и самъ буду указывать кавалеровъ, какихъ она можетъ принимать у себя!

Альва.

У этого юноши есть то, что не достаетъ нашему вѣку. У него натура героя. Разумѣется, это его погубитъ. Помните, какъ онъ вскочилъ, передъ произнесеніемъ приговора, со свидѣтельской скамьи и крикнулъ предсѣдателю: „Почемъ вы знаете, чѣмъ бы вы стали, если бы вамъ пришлось, десятилѣтнимъ босымъ ребенкомъ, болтаться по ночамъ въ кофейняхъ?!“

Родриго.

Если бы я только могъ тогда сразу влѣпить ему за это въ морду. Къ счастью, существуютъ еще исправительныя заведенія, въ которыхъ такой сволочи внушаютъ уваженіе къ закону.

Альва.

Онъ одинъ изъ тѣхъ, которые могли бы мнѣ служить моделью для моего „Властителя міра“. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ драматическая литература рисуетъ намъ однихъ только половинчатыхъ людей; мужчинъ, которые не дѣлаютъ дѣтей, и женщинъ, которыя не умѣютъ ихъ рожать. Это называется „современной проблеммой“. Когда я подумаю о жалкихъ фигурахъ, благодаря которымъ другъ моей юности добился чести быть величайшимъ нѣмецкимъ поэтомъ, мнѣ трудно завидовать его лаврамъ. Его герои кончаютъ самоубійствомъ, потому что они не могутъ научиться, на протяженіи 5 актовъ, считать до трехъ. И это приводитъ въ восторгъ грязную публику — блузниковъ разныхъ добродѣтельныхъ учительницъ музыки—которая по безобразію превосходитъ сорную кучу, скопляющуюся на задворкахъ. Но я не долженъ былъ вырости среди людей, какими были мой отецъ и его вторая жена, если я не сниму осторожно лавровый вѣнецъ съ его чела.

Родриго.

Я заказалъ себѣ кнутъ въ 2 дюйма толщиной. Если онъ не будетъ имѣть у нея успѣха, пусть у меня будетъ не мозгъ, а картофель въ головѣ. Любовь ли это, или побои—объ этомъ женское мясо не спрашиваетъ; было бы ему только развлеченіе, оно остается бодрымъ и свѣжимъ. Ей теперь двадцатый годъ, она три раза была замужемъ, удовлетворила громадное число любовниковъ, теперь, наконецъ, заявляютъ о себѣ и сердечныя потребности. Но у „него“ должна быть печать семи смертныхъ грѣховъ на лбу, иначе она не будетъ обожать его. Если человѣкъ этотъ выглядитъ такъ, точно его сейчасъ только выплевалъ гитцель, ему нечего бояться никакихъ принцевъ. Я найму помѣщеніе на улицѣ Лафонтенъ и буду тамъ дрессировать ее. А какъ только она исполнитъ прыжокъ водолаза, не сломавъ при этомъ шеи, я надѣну свой черный фракъ и до самой смерти больше пальцемъ о

пальцъ не ударю. Женщина такъ практично устроена, что ей стоитъ вдвое меньше труда прокормить своего мужа, чѣмъ мужу прокормить ее. А мужъ только бы позаботился объ ея духовной пищѣ, чтобы поддержать въ ней покрѣпче семейныя добродѣтели.

Альва.

Я научился повелѣвать людьми и держать ихъ въ уздѣ, какъ выѣзженную четверку лошадей, но этотъ юноша не выходитъ у меня изъ головы. Право, я могъ бы еще поучиться у этого гимназиста презрѣнію къ міру.

Родриго.

Пусть оклеитъ свою шкуру тысячемарковыми билетами! Плату я изъ директоровъ насосомъ выжму. Я знаю, что это за банда. Если имъ кто не нуженъ, такъ ты хоть сапоги чисти, ну, а ужъ если имъ артистка нужна—тогда они добудутъ ее ловкими комплиментами хотя бы и съ висѣлицы.

Альва.

Кромѣ смерти, мнѣ теперь нечего бояться въ этомъ мірѣ, въ жизни ощущеній—я бѣднѣйшій нищій. Но у меня не хватитъ больше нравственнаго мужества, чтобы промѣнять мою укрѣпленную позицію на волненія дикой жизни, богатой приключеніями.

Родриго.

Она послала меня и папа Шигольха на розыски, чтобы мы добыли ей какое-нибудь крѣпкое средство отъ безсонницы. Каждый изъ насъ получилъ 20 марокъ на расходы. Тутъ-то мы и увидѣли этого юношу въ кофейнѣ „Ночной свѣтъ“. Онъ сидѣлъ, точно преступникъ на скамьѣ подсудимыхъ. Шигольхъ обнюхалъ его со всѣхъ сторонъ и сказалъ: „Этотъ еще дѣвственница“.

(Сверху съ галлереи слышны медленные шаги).

Родриго.

Вотъ она! Будущая великолѣпнѣйшая гимнастка нашего времени.

(Занавѣсъ надъ лѣстницей раздвигается, и входитъ Лулу, въ черномъ платьѣ, опираясь на руку Шигольха; медленно сходитъ съ лѣстницы).

Шигольхъ.

Га, старый грибъ! Мы должны еще сегодня же уѣхать въ Парижъ.

Родриго (смотритъ на Лулу безсмысленными глазами).

Громъ, молнія и хляби небесныя!

Лулу.

Тише! Ты отдавишь мнѣ руку.

Родриго.

Эдакое безстыдство, бѣжать изъ тюрьмы съ такимъ собачьимъ лицомъ.

Шигольхъ.

Прикуси языкъ!

Родриго.

Я бѣгу за полиціей! Я донесу! Это пугало хочетъ показывать себя въ Парижѣ въ трико. Тутъ уже на одну вату придется два мѣсячныхъ жалованья истратить.—Ты самая вѣроломная изъ всѣхъ обманщицъ, когда-либо жившихъ въ тюрьмѣ.

Альва.

Я прошу васъ не ругать эту женщину!

Родриго.

Это вы называете ругать?! Изъ-за этихъ обглоданныхъ костей я брюхо свое испортилъ! Я не способенъ болѣе заниматься своимъ дѣломъ! Пусть я буду шутомъ, если я еще въ состояніи поднять высоко даже метлу! Но разрази меня громъ на мѣстѣ, если я не выцарапаю себѣ за ея подлости десять тысячъ годовой ренты! Ужъ это я могу вамъ сказать! Счастливаго пути! Я бѣгу за полиціей!—(Уходитъ).

Шигольхъ.

Бѣги, бѣги!

Лулу.

Этотъ не посмѣетъ!

Шигольхъ.

Отъ этого мы избавились.—А теперь чернаго кофе для дамы!

Альва (у стола налѣво спереди).

Вотъ кофе, нужно только налить.

Шигольхъ.

Я долженъ еще позаботиться о мѣстахъ въ спальномъ вагонѣ.

Лулу.

О, свобода! – Господи Боже!

Шигольхъ.

Черезъ полчаса я пріѣду за тобой. Прощанье мы отпразднуемъ въ вокзальномъ ресторанѣ. Я закажу такой ужинъ, что хватитъ до самаго Парижа.—Прощайте, г. докторъ!

Альва.

Прощайте!

Шигольхъ.

Пріятнаго покоя!—Благодарю, я знаю здѣсь каждую ручку отъ дверей. До свиданія! Много удовольствія! (Уходитъ черезъ среднюю дверь).

Лулу.

Полтора года я не видала комнаты—занавѣсы, кресла, картины...

Альва.

Ты хочешь пить?

Лулу.

За пять дней я наглоталась достаточно чернаго кофе. Нѣтъ ли у тебя водки?

Альва.

У меня есть Elixir de Spaa.

Лулу.

Это напоминаетъ старыя времена. (Пока Альва наливаетъ два стаканчика, она озирается кругомъ). Гдѣ же мой портретъ?

Альва.

Я отнесъ его въ свою комнату, чтобы его не увидали здѣсь.

Лулу.

Принеси его сюда.

Альва.

Ты и въ тюрьмѣ не потеряла своего кокетства?

Лулу.

Какъ болѣзненно сжимается сердце, если цѣлыми мѣсяцами не видѣть себя. Мнѣ дали потомъ въ тюрьмѣ новое ведро. Въ семь часовъ утра,

когда я подметала, я поворачивала его дномъ къ лицу. Жесть нисколько не льститъ, но мнѣ все же было пріятно.—Принеси портретъ изъ твоей комнаты. Могу я пойти съ тобой?

Альва.

Ради Бога, ты должна беречь себя!

Лулу.

Я достаточно долго берегла себя.

(Альва уходитъ въ дверь направо, чтобы принести портретъ).

Лулу (одна).

У него болѣзнь сердца; но четырнадцать мѣсяцевъ мучиться однимъ воображеніемъ—кто же это можетъ вынести! Онъ цѣлуетъ съ смертельнымъ страхомъ, и колѣни его дрожатъ, какъ странствующій продрогшій подмастерье. Но Боже!— — — Если бы только я не выстрѣлила въ этой комнатѣ въ спину его отца!

Альва (возвращается съ портретомъ Лулу въ костюмѣ Пьеро).

Онъ совершенно запыленъ. Я поставилъ его лицомъ къ камину.

Лулу.

Ты не смотрѣлъ на него, пока меня не было?

Альва.

Вслѣдствіе продажи нашей газеты, у меня было очень много дѣла. Гешвицъ охотно повѣсила бы его въ своей квартирѣ, но она должна была ожидать обысковъ (ставитъ портретъ на мольбертъ).

Лулу.

Теперь этотъ бѣдный уродъ и по собственному опыту познакомится съ прелестями жизни въ тюрьмѣ.

Альва.

Я и теперь хорошенько не понимаю, какая собственно связь между событіями.

Лулу.

Она поѣхала въ Гамбургъ діакониссой и, послѣ смерти одной холерной больной, помѣнялась съ ней бѣльемъ. Когда она пріѣхала, она мнѣ прислала его. Мы обмѣнялись съ ней письмами, въ которыхъ имѣло значеніе только послѣднее слово каждой страницы. Меня перевели въ лазаретъ, и черезъ два дня я уже лежала вмѣстѣ съ ней въ изоляціонномъ баракѣ. Здѣсь она постаралась по возможности придать себѣ такой видъ, чтобы походить на меня и затѣмъ выписалась здоровой. — Сегодня же она пришла навѣстить меня. Теперь она лежитъ тамъ, какъ убійца доктора Шена.

Альва.

Покуда дѣло касается внѣшности, то, имѣя такой портретъ, ты можешь вступить въ состязаніе съ кѣмъ угодно.

Лулу.

Лицо у меня немножко вытянулось, но вообще я ничего не потеряла. Въ тюрьмѣ становишься только невѣроятно нервной.

Альва.

Ты имѣла ужасно жалкій видъ, когда вошла.

Лулу.

Это нужно было, чтобы избавиться отъ этого прыгуна.—А ты, что ты дѣлалъ эти полтора года?

Альва.

Я написалъ одну пьесу о тебѣ, которая имѣла успѣхъ въ литературномъ обществѣ.

Лулу.

А кто твоя любовница?

Альва.

Одна актриса, которой я нанялъ квартиру въ Карлштрассе.

Лулу.

Любитъ она тебя?

Альва.

Почемъ я знаю! Я уже шесть недѣль не видалъ этой женщины.

Лулу.

И ты это выносишь?

Альва.

Ты никогда этого не поймешь. Между моей чувственностью и духовнымъ творчествомъ существуетъ самое тѣсное взаимодѣйствіе. Такъ, напримѣръ мнѣ остается только выборъ, воплотить-ли тебя въ художественный образъ, или же любить тебя.

Лулу.

Черезъ ночь мнѣ всегда снилось, что я попала въ руки къ сладострастному убійцѣ.—Пойдемъ, поцѣлуй меня!

Альва.

Твои глаза похожи на зеркальную поверхность воды, въ которую бросили камень.

Лулу.

Пойдемъ!

Альва (цѣлуетъ ее).

Твои губы стали тоньше.

Лулу.

Пойдемъ! (Она усаживаетъ его въ кресло и садится къ нему на колѣни). Боишься ты меня?—Въ тюрьмѣ мы получали каждый мѣсяцъ тепловатую ванну. Надзирательницы пользовались случаемъ, пока мы сидѣли въ водѣ, чтобы обыскать наши карманы.

Альва.

О!

Лулу.

Ты боишься, что потомъ не сумѣешь больше писать обо мнѣ стихи?

Альва.

Напротивъ, я напишу дифирамбъ твоей красотѣ.

Лулу.

Меня только огорчаетъ отвратительная обувь, которую я ношу.

Альва.

Это не уменьшаетъ твоей прелести. Будемъ благодарны и за минутное наслажденіе.

Лулу.

У меня сегодня совсѣмъ не то на душѣ.—Помнишь ли ты костюмированный балъ, на которомъ я была одѣта оруженосцемъ? Какъ тогда бѣгали за мной всѣ эти пьяныя женщины! Гешвицъ ползала у моихъ ногъ и просила меня, чтобы я наступила ей ногой на лицо.

Альва.

Пойдемъ, моя радость!

Лулу.

Тише. Я убила твоего отца.

Альва.

Я люблю тебя отъ этого не менѣе. Поцѣлуй!

Лулу.

Отклони голову назадъ.

Альва.

Ты сдерживаешь пламя моей души самыми искусными чарами. При этомъ грудь твоя дышетъ такъ цѣломудренно. И все же, не будь твоихъ большихъ темныхъ дѣтскихъ глазъ, я бы долженъ былъ считать тебя самой хитрой дѣвушкой, когда-либо погубившей мужчину.

Лулу.

Далъ бы Богъ, чтобы я была такая! Поѣзжай сегодня съ нами въ Парижъ. Тамъ мы можемъ видѣться сколько угодно и доставимъ другъ другу больше удовольствія, чѣмъ здѣсь.

Альва.

Я ощущаю сквозь платье твой станъ, подобный симфоніи. Эти узкія кости, это cantabile; это восхитительное crescendo; эти колѣни, это capriccio—могучее andante сладострастія.—Какъ мирно оба стройныхъ соперника прилегаютъ другъ къ другу въ сознаньи, что ни одинъ не сравнится по красотѣ съ другимъ—пока не проснется капризная повелительница и оба не разойдутся, какъ враждебные полюсы. Я буду пѣть тебѣ гимнъ, пока не отуманю твои чувства.

Лулу.

А я пока спрячу свои руки въ твоихъ волосахъ. Но здѣсь намъ помѣшаютъ.

Альва.

Ты меня съ ума свела!

Лулу.

Поѣдешь со мной въ Парижъ?

Альва.

Вѣдь старикъ ѣдетъ съ тобой!

Лулу.

Тотъ не появится болѣе.—Это все еще тотъ диванъ, на которомъ былъ окровавленъ твой отецъ?

Альва.

Молчи.—Молчи.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Парижъ. Обширный залъ съ бѣлой штукатуркой и широкой двойной дверью въ задней стѣнѣ. По обѣимъ сторонамъ ея высокія зеркала. Въ каждой изъ боковыхъ стѣнъ по двѣ двери. Между ними справа—консоль въ стилѣ рококо съ бѣлой мраморной доской, надъ ней вдѣланъ въ стѣну портретъ Лулу въ костюмѣ Пьеро, въ узкой золотой рамѣ. Посреди зала узкій, съ свѣтлой обивкой диванъ въ стилѣ Людовика XV. Широкія, свѣтлыя кресла съ тонкими ножками и узкими ручками. Слѣва спереди небольшой столъ.

Средняя дверь открыта и позволяетъ видѣть въ задней комнатѣ широкій столъ баккара, вокругъ котораго стоятъ турецкіе мягкіе стулья.

Альва Шенъ, Родриго Квасти, маркизъ Касти-Піани, банкиръ Пунтшу, журналистъ, Гейльманъ, Лулу, графиня Гешвицъ, Маделена де-Марелль, Кадега-ди-Санта-Троце, Біанетта Гациль, Людмила Штейнгерцъ расхаживаютъ по залѣ, оживленно разговаривая.

Мужчины въ выходныхъ костюмахъ. Лулу въ бѣломъ платьѣ—временъ директоріи, съ широкими буфами на рукавахъ и бѣлымъ кружевомъ, свободно падающимъ внизъ отъ лифа; руки въ бѣлыхъ глазированныхъ перчаткахъ, волосы взбиты въ высокую прическу съ маленькимъ пучкомъ бѣлыхъ перьевъ.—Гешвицъ въ свѣтло-голубомъ костюмѣ, отороченномъ бѣлымъ мѣхомъ, съ серебряными бортами и по-гусарски зашнурованнымъ лифомъ. Бѣлый галстухъ, тугой стоячій воротникъ и крахмальныя манжеты съ громадными пуговицами изъ слоновой кости.—Маделена де-Марелль въ свѣтломъ, радужномъ платьѣ changent, съ очень широкими рукавами, длинной узкой таліей и тремя воланами изъ спирально завитыхъ розовыхъ лентъ и букетовъ фіалокъ. Прическа съ проборомъ посрединѣ, волосы закрываютъ виски, по бокамъ завиты. На лбу перламутровое украшеніе, поддерживаемое тонкой цѣпочкой, продѣтой подъ волосами.—Кадега-ди-Санта-Троце, ея дочь, 12 лѣтъ, въ свѣтло-зеленыхъ атласныхъ ботинкахъ, изъ которыхъ виднѣются бѣлые шелковые чулки; верхняя половина платья въ бѣлыхъ кружевахъ; свѣтло-зеленые узкіе рукава; глазированныя перчатки гриперлъ; распущенные черные волосы подъ большой свѣтло-зеленой кружевной шляпой съ бѣлыми перьями.—Біанетта Гациль въ темно-зеленомъ бархатѣ; обсаженный жемчугомъ воротъ, широкіе прямые рукава, юбка вся въ складкахъ, нижній край обсаженъ большими фальшивыми топазами, оправленными въ серебро.—Людмила Штейнгерцъ въ пестромъ туалетѣ съ голубыми и красными полосами.—Арманда и Бобъ разносятъ шампанское. Арманда въ короткомъ черномъ платьѣ съ прямоугольнымъ вырѣзомъ и бѣлымъ фишю Мари-Антуанетъ.—Бобъ, 14 лѣтъ, въ красномъ жакетѣ, обтянутыхъ кожаныхъ панталонахъ и блестящихъ сапогахъ съ отворотами.

Родриго (съ полнымъ бокаломъ въ рукѣ).

Mesdames и messieurs—позвольте мнѣ—сегодня день рожденія нашей любезной хозяйки—графини—которая собрала насъ здѣсь сегодня вечеромъ. Позвольте—mesdames и messieurs—выпить за здоровье графини Аделаиды

д'Убра—(въ сторону) проклятье!—Я пью за здоровье нашей любезной хозяйки, графини Аделаиды—которой сегодня день рожденья... (Всѣ окружаютъ Лулу и чокаются съ ней).

Альва (къ Родриго).

Поздравляю тебя.

Родриго.

Я весь вспотѣлъ.

Біанетта Гациль.

Вы изъ какой страны?

Родриго.

Я австріецъ.

Біанетта Гациль.

Вы умѣете владѣть тяжестями, мосье?

Родриго.

Въ совершенствѣ, мадамъ.

Маделенъ де-Мареллъ.

Я не люблю вообще атлетовъ. Я предпочитаю стрѣлковъ. Въ Казино 15 мѣсяцевъ тому назадъ, былъ одинъ стрѣлокъ, такъ каждый разъ, какъ онъ дѣлалъ „бумъ", я дѣлала... (вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ).

Кастн-Піани.

Скажите, chère-belle, какъ это случилось, что мы сегодня имѣемъ удовольствіе въ первый разъ видѣть вашу очаровательную маленькую принцессу?

Маделенъ де-Мареллъ.

Вы находите ее такой очаровательной?—Она живетъ въ монастырѣ. Она въ Парижѣ только на одинъ день. Завтра вечеромъ она опять вернется туда.

Кадега ди Санта Троце.

Ты что сказала, мамочка?

Маделенъ де-Мареллъ.

Сокровище мое, я вотъ разсказываю этимъ господамъ, что на прошлой недѣлѣ ты получила первую награду по геометріи.

Гейльманъ.

Какіе у нея прекрасные волосы!

Касти-Піани.

Посмотрите эти ноги, эту походку!

Пунтшу.

Да, въ ней видна порода.

Маделенъ де-Мареллъ.

Сжальтесь же, господа! Она вѣдь еще совершеннѣйшій ребенокъ.

Пунтшу.

Вотъ что не остановило бы меня! Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы посвятить мадемуазель въ великія тайны нашего евангелія.

Маделенъ де-Мареллъ.

А я, мосье, не согласилась бы на это ни за милліонъ. Я не хочу испортить ей счастливое дѣтство, какъ мнѣ его испортили.

Касти-Піани.

Belle âme! Вы не согласились бы даже за маленькую драгоцѣнность изъ настоящихъ брильянтовъ?

Маделенъ де-Мареллъ.

Кромѣ шутокъ! Вы не купите настоящихъ брильянтовъ ни мнѣ, ни моей дочкѣ. Вы сами болѣе, чѣмъ увѣрены въ этомъ.

Людмила Штейнгерцъ (графинѣ Гешвицъ).

Парижскія художественныя школы, знаете ли, всѣ хороши. На то это Парижъ. Но я рекомендую вамъ Юліана. Когда вы войдете въ пассажъ — первый проходъ налѣво. Тамъ вы сейчасъ увидите надпись большими буквами „школа Юліана“.

Гешвицъ.

Я еще не знаю, поступлю ли я въ школу. Это отнимаетъ такъ много времени.

Біанетта Гациль.

Развѣ сегодня не будутъ играть?

Людмила Штейнгерцъ.

Напротивъ, madame, я надѣюсь, что будутъ!

Біанетта Гациль.

Пойдемъ, займемъ мѣста. Я хочу выиграть.

Гешвицъ.

Одну секундочку, mesdames. Мнѣ нужно сказать два слова моей пріятельницѣ.

Касти-Піани (предлагая руку Гациль).

Madame, вы будете такъ благосклонны и позволите мнѣ играть съ вами пополамъ. У васъ такая счастливая рука.

(Онъ ведетъ ее въ игральную комнату, Людмила Штейнгерцъ слѣдуетъ за ними).

Родриго.

Сегодня утромъ, за завтракомъ, служанка спросила меня: „ne voulez vous pas du pissenlit, monsieur?“

Гейльманъ.

Ну, моншеръ, а вы что же ей отвѣтили?

Родриго.

Я сказалъ: мерси, моя прелесть, у меня нѣтъ такой привычки.

Лулу.

Какъ онъ глупъ!

Маделенъ де-Марелль.

Вы острите, мосье!

Пунтшу.

Это то же самое, какъ если бы я спросилъ у васъ акцій общества проволочной дороги „Юнгъ-Фрау“, а вы бы мнѣ сказали: она уже теперь не „юнгфрау“.

Маделенъ де-Марелль.

Я не понимаю, мосье.

Пунтшу.

Потому что вы не знаете нѣмецкаго языка, мадамъ. „Юнгъ-Фрау“ нѣмецкое слово, которое означаетъ „дѣвственница“.

Маделенъ де-Марелль.

А у васъ есть еще эти акціи?

Пунтшу.

У меня ихъ нѣсколько тысячъ, но я ихъ берегу. Не будетъ другого такого случая, чтобы составить себѣ маленькое состояніе.

Гейльманъ.

У меня теперь только одна. Я хотѣлъ бы имѣть еще.

Пунтшу.

Если вамъ угодно, мосье, я постараюсь вамъ достать. Но я предупреждаю васъ, что вы будете платить бѣшеныя цѣны.

Маделенъ де-Мареллъ.

Мнѣ повезло въ этомъ дѣлѣ. Я пріобрѣла ихъ заблаговременно. Я вложила туда всѣ свои сбереженія.—Въ случаѣ неудачи, берегитесь!

Пунтшу.

О, я совершенно увѣренъ въ себѣ. Когда-нибудь, мадамъ, вы меня въ ручку поцѣлуете. Вы совершите со своей дочкой путешествіе въ Швейцарію, взберетесь на гору Юнгъ-Фрау и оттуда, съ высоты, благословите эту благодатную страну, источникъ вашего богатства.

Альва.

Вамъ нечего бояться, мадамъ, И я тоже вложилъ туда все состояніе до послѣдняго су. Я очень дорого заплатилъ за свои акціи, но я не жалѣю объ этомъ. Онѣ съ каждымъ днемъ повышаются въ цѣнѣ. Это удивительно.

Маделенъ де-Мареллъ.

Ну, тѣмъ лучше. (Беря его руку). Пойдемъ къ играющимъ.

(Маделенъ де-Мареллъ, Альва, Пунтшу, Лулу, Гейльманъ и Кадега идутъ въ игральную комнату. Арманда и Бобъ уходятъ налѣво.—Родриго и графиня Гешвицъ остаются).

Родриго (царапаетъ что-то на запискѣ и складываетъ ее. Замѣтивъ Гешвицъ).

Гмъ, ваша графская милость... (Гешвицъ вздрагиваетъ). Развѣ я такой страшный? (про себя). Я долженъ придумать bonmot. (Громко). Могу ли я себѣ что-то позволить?

Гешвицъ.

Проваливайте!

Касти-Піани (введя Лулу въ залъ).

Вы позволите мнѣ сказать вамъ два слова.

Лулу (въ то время, какъ Родриго незамѣтно ей всунулъ записку въ руку).

Пожалуйста, сколько угодно.

Родриго.

Честь имѣю кланяться (уходитъ въ игральную комнату).

Касти-Піани (къ Гешвицъ).

Оставьте насъ однихъ!

Лулу (Касти-Піани).

Развѣ я опять чѣмъ-нибудь огорчила васъ?

Касти-Піани (такъ какъ Гешвицъ не трогается съ мѣста).

Вы оглохли?

(Гешвицъ, глубоко вздохнувъ, уходитъ въ игральную комнату).

Лулу.

Скажи только сразу, сколько тебѣ нужно.

Касти-Піани.

Деньгами ты не можешь больше служить мнѣ.

Лулу.

Какъ это пришло тебѣ въ голову, что у насъ нѣтъ больше денегъ?

Касти-Піани.

Ты вчера вручила мнѣ послѣдніе остатки.

Лулу.

Если ты увѣренъ въ этомъ, такъ оно, вѣроятно, такъ и есть.

Касти-Піани.

Вы на мели, ты и твой литераторъ.

Лулу.

Къ чему столько словъ?—Если ты хочешь имѣть меня у себя, тебѣ незачѣмъ грозить мнѣ плахой.

Кастн-Піани.

Я это знаю. Я уже нѣсколько разъ говорилъ тебѣ, что ты мнѣ совсѣмъ не подходишь. Я не потому обобралъ тебя, что ты любила меня, но я любилъ тебя, чтобы имѣть возможность тебя обобрать. Біанетта Гациль мнѣ вся, съ головы до ногъ, пріятнѣе, чѣмъ ты. Ты представляешь собраніе самыхъ изысканныхъ лакомствъ, но какъ только время съ тобой убито, чувствуешь еще большій голодъ, чѣмъ раньше. Слишкомъ ужъ ты подолгу любишь, даже и для нашихъ парижскихъ условій. Здоровому молодому человѣку ты только разстраиваешь нервы. Но тѣмъ болѣе ты за то пригодна для мѣста, которое я нашелъ тебѣ.

Лулу.

Ты съ ума сошелъ.—Развѣ я просила тебя найти мнѣ мѣсто?

Кастн-Піани.

Вѣдь я сказалъ тебѣ, что я агентъ по доставленію мѣстъ.

Лулу.

Тѣ сказалъ мнѣ, что ты полицейскій сыщикъ.

Кастн-Піани.

Этимъ однимъ не проживешь. Вначалѣ я былъ агентомъ-посредникомъ по доставленію мѣстъ, пока я не споткнулся объ одну пасторскую дочку, которой доставилъ мѣсто въ Валь-Парайсо. Милочка эта въ своихъ дѣтскихъ мечтахъ воображала себѣ жизнь болѣе опьяняющей и пожаловалось на меня своей мама. За это меня арестовали. Но достойнымъ поведеніемъ я скоро заслужилъ довѣріе уголовной полиціи. Меня послали сюда, на жалованье въ 150 марокъ; вслѣдствіе вѣчныхъ покушеній съ бомбами, контингентъ нашъ утроили. Но кто же проживетъ здѣсь на 185 франковъ въ мѣсяцъ? Мои коллеги живутъ на содержаньи у кокотокъ. А мнѣ, понятно, проще было опять взяться за свою старую профессію. Француженка, если у нея сердце на настоящемъ мѣстѣ, не отправится, конечно, за границу. Но изъ собирающихся въ Парижѣ безчисленныхъ авантюристокъ изъ лучшихъ фамилій всего міра, я устроилъ на мѣстѣ естественнаго назначенія уже не одно жаждущее жизни молодое созданіе.

Лулу.

Я не гожусь для этой профессіи.

Кастн-Піани.

Твой взглядъ на этотъ вопросъ мнѣ совершенно безразличенъ. Тому, кто доставитъ въ руки полиціи убійцу доктора Шена, прокуратура уплатитъ 1000 марокъ. Мнѣ стоитъ только свиснуть сержанта, стоящаго внизу-на углу, и я заработаю 1000 марокъ. Учрежденіе Оикономополусъ въ Каирѣ предлагаетъ за тебя 60 фунтовъ. Это 1500 франковъ, это 1200 марокъ— на 200 марокъ больше, чѣмъ прокуроръ. Кромѣ того, я все же еще настолько человѣколюбивъ, что мнѣ пріятнѣе помочь моимъ ближнимъ устроить свое счастье, чѣмъ повергнуть ихъ въ несчастье.

Лулу.

Жизнь въ такомъ домѣ никогда не можетъ сдѣлать счастливой такую женщину, какъ я. Когда мнѣ было 15 лѣтъ, это могло бы мнѣ понравиться. Тогда я сомнѣвалась въ томъ, что буду когда-нибудь счастлива. Я купила себѣ револьверъ и побѣжала ночью по глубокому снѣгу черезъ мостъ, въ паркъ, чтобы тамъ застрѣлиться. Послѣ того я, къ счастью, пролежала три мѣсяца въ больницѣ, не видя ни одного мужчины передъ собой. За это время глаза у меня открылись, и я сознала себя. Въ своихъ грезахъ я каждую ночь видѣла мужчину, съ которымъ мы созданы другъ для друга. И когда я затѣмъ опять попала къ мужчинамъ, я уже не была больше дурочкой. Съ той поры я и во тьмѣ ночной, на разстояніи 100 шаговъ, уже чувствую, предназначены ли мы одинъ для другого. И если я погрѣшу противъ своего сознанія, я чувствую себя въ послѣдующіе дни и душой, и тѣломъ загрязненной, и мнѣ нужны недѣли, чтобы побороть отвращеніе, которое я чувствую къ себѣ. А ты воображаешь, что я буду отдаваться всякому встрѣчному канальѣ!

Кастн-Піани.

Канальи не бываютъ у Оикономополуса въ Каирѣ. Его кліентура составляется изъ шотландскихъ лордовъ, русскихъ сановниковъ, индійскихъ губернаторовъ и нашихъ разгульныхъ рейнскихъ крупныхъ промышленниковъ. Я только долженъ поручиться, что ты говоришь по-французски. При твоихъ блестящихъ способностяхъ къ языкамъ, ты, впрочемъ, скоро научишься и англійскому— настолько, насколько это тебѣ нужно будетъ для твоей дѣятельности. При этомъ ты будешь жить въ княжески меблированныхъ аппартаментахъ съ видомъ на минареты Эль-Азара, будешь расхаживать по толстымъ персидскимъ коврамъ, одѣваться каждый вечеръ въ сказочный бальный таулетъ изъ Парижа и пить столько ликёра, сколько въ

состояніи будутъ оплатить твои кліенты. Наконецъ, ты вѣдь останешься до извѣстной степени и сама себѣ госпожей. Если мужчина тебѣ не понравится, ты можешь не идти на встрѣчу его желаніямъ. Ты велишь возвратить ему карточку и дѣло съ концомъ. Если бы шелопаи тамъ не мирились съ этимъ, все дѣло было бы невозможно; вѣдь тогда всякая женщина черезъ мѣсяцъ пропала бы къ чорту.

Лулу.

Я думаю, что со вчерашняго дня у тебя въ мозгу дѣйствительно что-то не ладно! Могу ли я повѣрить тебѣ, что этотъ египтянинъ даетъ 1500 ф. за совершенно неизвѣстную ему женщину?

Кастн-Піани.

Я позволилъ себѣ послать ему твои карточки.

Лулу.

Ты послалъ ему карточки, которыя я дала тебѣ?

Кастн-Піани.

Ты видишь, что онъ лучше умѣетъ цѣнить ихъ, чѣмъ я. Портретъ, на которомъ ты стоишь Евой передъ зеркаломъ, онъ навѣрное повѣситъ на дверяхъ, когда ты будешь тамъ. Затѣмъ, ты должна принять во вниманіе еще одно обстоятельство. У Ойкономополуса въ Каирѣ ты будешь въ большей безопасности отъ своихъ палачей, чѣмъ если бы ты забралась въ дѣвственный лѣсъ Канады. Не такъ-то легко перевести египетскую куртизанку въ нѣмецкую тюрьму, во-первыхъ—изъ экономическихъ соображеній, а во вторыхъ, изъ опасенія нарушить вѣчные законы справедливости.

Лулу.

Какое мнѣ дѣло до вашей вѣчной справедливости! Будь увѣренъ, что я не позволю запереть себя въ такое увеселительное заведеніе.

Кастн-Піани.

Тогда ты позволишь мнѣ свистнуть полицейскаго.

Лулу.

Почему ты просто не попросишь у меня 1500 франковъ, если они нужны тебѣ?

Касти-Піани.

Мнѣ совсѣмъ не нужны деньги!—Впрочемъ, я не прошу тебя объ этомъ потому, что ты на мели.

Лулу.

У насъ есть еще тридцать тысячъ марокъ.

Касти-Піани.

Въ акціяхъ Юнгъ-фрау! Я никогда не занимался акціями; прокуроръ платитъ нѣмецкой имперской монетой, а Оикономополусъ—англійскимъ золотомъ. Завтра утромъ ты можешь быть въ Марселѣ. Путешествіе по Средиземному морю продолжается немного больше пяти дней. Не позже, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, ты будешь въ безопасности. Здѣсь въ Парижѣ ты ближе къ тюрьмѣ, чѣмъ гдѣ-либо. Какъ полицейскій чинъ, я считаю непонятнымъ чудомъ, что вы могли прожить здѣсь спокойно цѣлый годъ. Но, какъ я напалъ на слѣды вашихъ прежнихъ дѣяній, такъ—при твоемъ большомъ употребленіи мужчинъ—каждый день можетъ сдѣлать это счастливое открытіе и всякій другой изъ моихъ коллегъ. Тогда меня только мазнетъ по губамъ, а ты проведешь лучшіе годы, предназначенные для наслажденья, въ одиночествѣ. Не угодно ли тебѣ рѣшиться сейчасъ же. Поѣздъ въ Марсель идетъ въ половинѣ перваго. Если мы до 11 ч. не сторгуемся, я свисну сержанта. Въ противномъ случаѣ, я посажу тебя въ фіакръ—вотъ такъ, какъ ты стоишь—и повезу на Ліонскій вокзалъ, а завтра вечеромъ провожу на пароходъ.

Лулу.

Не можешь же ты говорить это серьезно?!

Касти-Піани.

Развѣ ты не понимаешь, что я хлопочу только о твоемъ собственномъ спасеніи?

Лулу.

Я поѣду съ тобой въ Америку, въ Китай; но я не могу позволить продать себя! Это хуже тюрьмы.

Касти-Піани.

Прочти только это сердечное изліяніе! (Вынимаетъ письмо изъ кармана). Я прочту тебѣ. Вотъ почтовый штемпель „Каиръ“, чтобы ты не думала, что я работаю съ фальшивыми документами. Эта дѣвушка берлинка. Она была два года замужемъ за человѣкомъ, который вызвалъ бы въ тебѣ зависть. Онъ мой бывшій товарищъ. Онъ уѣзжаетъ теперь на службу въ одно гамбургское колоніальное общество.

Лулу.

Такъ онъ, вѣроятно, навѣститъ попутно свою жену.

Кастн-Піани.

Возможно. Но ты послушай, какое неудержимое выраженіе восторга! Моя торговля дѣвушками вовсе не кажется мнѣ болѣе почтенной, чѣмъ ее нашелъ бы любой судья; но такой крикъ радости заставляетъ меня почувствовать въ данный моментъ извѣстное нравственное удовлетвореніе. Я горжусь, что зарабатываю деньги тѣмъ, что полной горстью сѣю счастье. (Читаетъ): „Любезный герръ Мейеръ!“—Подъ этимъ именемъ я извѣстенъ, какъ торговецъ дѣвушками.—„Если вы поѣдете въ Берлинъ, пойдите сейчасъ же въ консерваторію на Потсдамской улицѣ и спросите Густу фонъ-Розенкронъ—самую красивую отъ природы женщину, какую я когда-либо видѣла; восхитительныя руки и ноги, природная длинная талія, прямая спина, роскошное тѣло, большіе глаза и тупой носъ—совершенно такая, какъ вы любите. На пѣнье у нея надежды плохи. Мать не имѣетъ ни гроша. Къ сожалѣнію, ей уже двадцать два, но она изнемогаетъ отъ жажды любви. Не можетъ выйти замужъ, совершенно безъ средствъ. Говорила съ мадамъ. Съ удовольствіемъ возьметъ еще одну нѣмку, если хорошо воспитана и музыкальна. Игальянки и француженки не могутъ конкуррировать съ нами, потому что слишкомъ мало образованы. Если бы вы увидѣли Фрица...—Фрицъ ея мужъ. Онъ, конечно, разводится съ ней. „...такъ скажите ему, во всемъ виновата скука. Онъ лучше не умѣлъ, я тоже не умѣла...“—А теперь идетъ перечисленіе ея радостей...

Лулу.

Я не могу продать единственное, что всегда было моей собственностью.

Кастн-Піани.

Дай же мнѣ читать дальше!

Лулу.

Я сегодня же вечеромъ доставлю тебѣ все наше состояніе.

Кастн-Піани.

Повѣрь же мнѣ, ради Бога, что я уже получилъ вашъ послѣдній су. Если мы до 11 ч. не оставимъ этого дѣла, тебя завтра съ твоими приспыми насильно перевезутъ въ Германію.

Лулу.

Ты не можешь выдать меня!

Думаешь ли ты, что это было бы худшее изъ того, что я сумѣлъ въ моей жизни?—На тотъ случай, если бы мы еще сегодня ночью уѣхали въ Марсель, я долженъ сказать два слова Біанеттѣ.

(Уходитъ въ игральную комнату, оставляя дверь за собой открытой. Лулу неподвижно смотритъ въ пространство, механически сжимая въ рукахъ записку, которую всунулъ ей Родриго и которую она во все время разговора держала между пальцевъ. Альва встаетъ изъ-за игральнаго стола, съ цѣнной бумагой въ рукахъ, и идетъ въ залъ).

Альва (Лулу).

Превосходно! Дѣла идутъ блестяще! Гешвицъ поставила на карту свою послѣднюю рубаху. Пунтшу обѣщалъ мнѣ еще десять акцій „Юнгъ-фрау". Штейнгерцъ собираетъ свои маленькіе барыши. (Уходитъ налѣво въ переднюю дверь).

Лулу (одна).

И я должна въ домъ терпимости?—(Читаетъ записку, которую держитъ въ рукахъ и смѣется какъ безумная).

Альва (возвращается слѣва, съ шкатулкой въ рукахъ).

Ты не примешь развѣ участія?

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
LIÉGE

Лулу.

Конечно, конечно. Отчего же нѣтъ!

Альва.

A propos, въ „Берлинскомъ Тагеблатѣ" сообщаютъ сегодня, что Альфредъ Гугенбергъ бросился съ лѣстницы въ тюрьмѣ съ 4-го этажа.

Лулу.

Развѣ онъ былъ въ тюрьмѣ?

Альва.

Нѣчто вродѣ предварительнаго заключенія. По слухамъ, отецъ его, директоръ полиціи, во время похоронъ покончилъ съ собой.

(Альва уходитъ въ игральную комнату. Лулу хочетъ слѣдовать за нимъ. Въ дверяхъ она встрѣчается съ графиней Гешвицъ).

Гешвицъ.

Ты уходишь, потому что я пришла?

Лулу.

Богъ свидѣтель, нѣтъ. Но когда ты приходишь, я ухожу.

Гешвицъ.

Ты отняла у меня все, что у меня еще было хорошаго въ этомъ мірѣ. Ты могла бы, по крайней мѣрѣ, соблюдать внѣшнія приличія въ обращеніи со мной.

Лулу.

Я такъ же вѣжлива съ тобой, какъ и со всякой другой женщиной. Прошу тебя только быть вѣжливой и со мной.

Гешвицъ.

Развѣ ты забыла страстныя клятвы, которыя заставили меня пойти вмѣсто тебя въ тюрьму?!

Лулу.

Зачѣмъ же ты мнѣ навязала холеру?! Во время процесса я давала еще много другихъ клятвъ, не только тебѣ. Я дрожу отъ отвращенія при мысли, что это должно было когда-нибудь дѣйствительно совершиться.

Гешвицъ.

Такъ ты меня, значитъ, обманула вполнѣ сознательно?

Лулу.

Въ чемъ же ты собственно обманута? Твои прелести нашли здѣсь такого пылкаго поклонника, что я спрашиваю себя, не слѣдуетъ ли мнѣ превратиться въ добродѣтельную учительницу музыки, чтобы поддержать свое существованіе. Семнадцатилѣтняя дѣвушка не можетъ такъ свести съ ума мужчину, какъ ты свела съ ума этого славнаго парня своимъ сопротивленіемъ.

Гешвицъ.

О комъ ты говоришь? Я ничего не понимаю.

Лулу.

О твоемъ гимнастѣ, о Родриго Квасти. Онъ атлетъ; на груди у него могутъ плясать двѣ кавалерійскія лошади. Можетъ ли женщина желать

большаго? Онъ сейчасъ только говорилъ мнѣ, что сегодня же ночью прыгнетъ въ Сену, если ты не сжалишься надъ нимъ.

Гешвицъ.

Я не завидую ловкости, съ которой ты мучишь безпомощныя жертвы, по волѣ неисповѣдимой судьбы попавшія въ твои руки. Я вообще не могу тебѣ завидовать. Мое собственное несчастье никогда еще не внушало мнѣ такой жалости, какую я испытываю къ тебѣ. Я чувствую себя свободной, какъ Богъ, когда подумаю, какой твари ты раба!

Лулу.

О комъ ты говоришь?

Гешвицъ.

Я говорю о Касти-Піани, презрѣннѣйшая низость котораго написана на лбу огненными буквами.

Лулу.

Молчи! Я затопчу тебя ногами, если ты будешь дурно говорить о немъ. Его любовь ко мнѣ такъ искренна, что твои фанстастическія жертвы ничто въ сравненіи съ нею. Онъ далъ мнѣ доказательства своей самоотверженности, которыя только показали мнѣ всю отвратительность твоихъ требованій. Чего не отдаютъ люди, когда у нихъ такія похоти, какъ у тебя! Ты не была закончена въ утробѣ матери, ты ни женщина, ни мужчина. Для мужчины не хватило матерьяла, а для женщины у тебя слишкомъ много мозгу въ головѣ. Поэтому ты сумасшедшая! Обратись съ своими чувствами къ фрейлейнъ Біанетта Гациль. За деньги отъ нея все получишь. Всунь ей 20 франковъ, и она будетъ принадлежать тебѣ.

(Біанетта Гациль, Маделенъ де-Марелль, Людмила Штейнгерцъ, Родриго, Касти-Піани, Пунтшу, Гейльманъ и Альва входятъ изъ игральной комнаты въ салонъ).

Лулу.

Ради Бога, что случилось?

Пунтшу.

Да ничего, ma chère, мы хотимъ освѣжиться.

Маделенъ де-Марелль.

Всѣ выиграли, это поразительно!

Біанетта.

Я выиграла по крайней мѣрѣ 40 луидоровъ.

Людмила Штейнгерцъ.

Не нужно этимъ хвастать, мой другъ!

Меделенъ де-Мареллъ.

Да, это не приноситъ счастья.

Біанетта.

Но банкъ тоже выигралъ!

Альва.

Удивительно, откуда всѣ эти деньги!

Касти-Піани.

Тѣмъ лучше; незачѣмъ отказывать себѣ въ шампанскомъ.

Гейльманъ.

Будетъ мнѣ по крайней мѣрѣ, чѣмъ заплатить за обѣдъ въ "Café de-Paris."

Альва.

Пожалуйте, mesdames, въ буфетъ.

(Все общество уходитъ на право въ игральную комнату. Родриго задерживаетъ Лулу).

Родриго.

Одну секунду, мадамъ.—Прочитала ты мой billet-doux?

Лулу.

Угрожай мнѣ доносами сколько хочешь! У меня нѣтъ больше 20 тысячъ франковъ.

Родриго.

Врешь, каналья! У васъ есть 40 тысячъ марокъ; этотъ оселъ только сейчасъ подтвердилъ мнѣ это.

Лулу.

Такъ ты къ нему и обратись со своими вымогательствами. Мнѣ все равно, что онъ сдѣлаетъ со своими деньгами.

Родриго.

Спасибо тебѣ. Съ этимъ болваномъ потеряешь двое сутокъ, пока онъ пойметъ, о чемъ рѣчь. А потомъ начнутся его объясненія, да разъясненія, отъ

которыхъ смертельно тошнитъ. А моя невѣста пока напишетъ мнѣ „между нами все кончено", и тогда мнѣ хоть въ шарманщики итти.

Лулу.

Развѣ ты обручился здѣсь въ Парижѣ?

Родриго.

Ужъ не долженъ ли былъ я спросить твоего позволенія? Какая мнѣ была награда за то, что я цѣной своего здоровья освободилъ тебя изъ тюрьмы?—La misère noire! Вы меня бросили на произволъ судьбы! Мнѣ пришлось бы сдѣлаться носильщикомъ, если бы меня не приняла эта дѣвушка. Въ „Follies bergères" мнѣ въ первый же вечеръ бросили бархатное кресло въ голову. Французская нація слишкомъ опустилась, чтобы еще цѣнить превосходныя атлетическія упражненія. Вотъ, если бы я былъ дерущимся кэнгуру, они бы меня интервьюировали и помѣстили бы во всѣхъ журналахъ мой портретъ. Къ счастью, я еще въ уборной познакомился со своей Целестиной. Когда я ей всунулъ въ руку свои два су, она объяснила мнѣ, что намѣрена оставить службу. Она положила свои 20-лѣтнія сбереженія въ ліонскій банкъ. Къ тому же она безкорыстно любитъ меня. Она никогда не имѣетъ низкихъ намѣреній, какъ ты. У нея трое дѣтей отъ одного англійскаго епископа, и всѣ они подаютъ самыя прекрасныя надежды. Послѣ завтра утромъ состоится наше гражданское вѣнчаніе въ мэріи перваго округа.

Лулу.

Мое тебѣ благословеніе въ придачу.

Родриго.

Отъ твоего благословенія толку мало. Я сказалъ моей невѣстѣ, что у меня 20 тысячъ франковъ въ банкѣ.

Лулу.

И онъ еще хвастаетъ, что эта дѣвушка безкорыстно любитъ его!

Родриго.

Моя Целестина обожаетъ во мнѣ душевнаго человѣка, а не силача, какъ это дѣлала ты и всѣ другія. Но теперь всему этому конецъ! Не будетъ того, что пристаютъ, какъ банный листъ, а потомъ валяются съ горничной. Пусть я буду Кащей безсмертный, если я еще когда-нибудь пущусь на подобныя развлеченія!

Лулу.

Зачѣмъ же ты, чортъ возьми, преслѣдуешь несчастную Гешвицъ своими грязными предложеніями?

Родриго.

А потому,—что она женщина благороднаго званія. Я свѣтскій человѣкъ и лучше кого-либо изъ васъ понимаю парижскій тонъ.—Но теперь я прошу толкомъ отвѣтить мнѣ. Доставишь ли ты мнѣ до завтра эти деньги, или нѣтъ?

Лулу.

У меня нѣтъ денегъ.

Родриго.

Пусть у меня будетъ въ головѣ куриный пометъ, если ты этимъ отдѣлаешься отъ меня! Онъ отдастъ тебѣ послѣдній су, если ты только исполнишь свою проклятую обязанность и не заставишь его напрасно визжать у твоихъ дверей. Ты увлекла бѣднягу сюда, а теперь—пусть его ищетъ подходящій ангажементъ для усовершенствованія!

Лулу.

Какое тебѣ дѣло, тратитъ ли онъ деньги на женщинъ, или на карты?

Родриго.

Вы хотите во что бы то ни стало, чтобы послѣдній грошъ, заработанный его отцомъ на газетѣ, попалъ въ пасть этому совершенно чужому для васъ негодяю?! Ты осчастливишь четырехъ человѣкъ, если посмотришь на все сквозь пальцы и пожертвуешь собой для благотворительной цѣли Неужели же всегда, всегда, все только для Касти-Піани!

Лулу.

Не попросить ли мнѣ его, чтобы онъ спустилъ тебя съ лѣстницы?

Родриго.

Какъ вамъ угодно, ma chère. Если я не получу до завтра этихъ двадцати тысячъ франковъ —ты можешь ихъ внести на почту у Avenue de l'Opéra—я дамъ указанія полиціи, и вашей безпутной жизни наступитъ конецъ.—До пріятнаго свиданія!

(Журналистъ Гейльманъ вбѣгаетъ, задыхаясь, слѣва сзади).

Лулу.

Вы ищете Маделенъ де-Марелль?—Ея нѣтъ здѣсь.

Гейльманъ

Нѣтъ, я ищу что-то другое.

Родриго (указывая ему дорогу).

Вторая дверь налѣво, пожалуйте.

Лулу (Родриго).

Ты уже научился этому отъ своей невѣсты.?

Гейльманъ (сталкивается въ дверяхъ слѣва съ Пунтшу).

Пардонъ, мой ангелъ.

Пунтшу.

Ахъ, это вы! Мадамъ де-Мареллъ ждетъ васъ въ подъемной машинѣ.

Гейльманъ.

Поѣзжайте съ ней, пожалуйста, наверхъ. Я сейчасъ вернусь.
(Гейльманъ поспѣшно уходитъ на лѣво. Лулу идетъ въ столовую, Родриго слѣдуетъ за ней).

Пунтшу (одинъ).

Какая жара! — — — Если я тебѣ не отрѣжу ушей, ты мнѣ ихъ отрѣжешь! — — Когда нужно пробиться среди евреевъ, христіанъ и сиренъ!— — Если у меня нѣтъ золотоноснаго рудника къ услугамъ,—я долженъ помочь себѣ умомъ!—Если бы только разсудокъ мой не ослабѣлъ, не отяжелѣлъ, если бы только не нужно было освѣжать его одеколономъ!

(Бобъ передаетъ ему телеграмму).

Бобъ.

Мосье Пунтшу!

Пунтшу (распечатываетъ и бормочетъ).

„Акціи общества „Юнгъ-Фрау“ упали...“ Подожди! (Даетъ Бобу на чай). Какъ тебя зовутъ?

Бобъ.

Гастонъ Тарно, мосье; но меня окрестили Бобъ, потому что такъ короче.

Пунтшу.

Ты родился въ Парижѣ?

Бобъ.

Да, мосье.

Пунтшу.

Сколько лѣтъ?..

(Кадега ди Санта Троце входитъ справа изъ задней двери).

Кадега.

Maman нѣтъ здѣсь?

Пунтшу.

Нѣтъ.—Боже, какая очаровательная дѣвочка!

Кадега.

Я всюду ее ищу и не могу найти.

Пунтшу.

Подождите, — maman сейчасъ вернется. — Богъ ее знаетъ, что она. (глядя на Боба)... И этотъ мальчишка тутъ же!—Не знаешь — Боже правый!—Мнѣ становится не по себѣ... (уходитъ въ правую заднюю дверь).

Кадега.

Послушайте, мосье, вы не видали моей матери?

Бобъ

Нѣтъ, мадемуазель, не видѣлъ.

Кадега.

Я такъ боюсь.

Бобъ.

Мадамъ, вѣроятно, ушла наверхъ. Не угодно ли будетъ мадемуазель послѣдовать за мной?

Кадега.

Что тамъ такое на верху?

Бобъ.

Вы увидите. Мы спрячемся на лѣстницѣ. Пойдемъ! Вы не хотите?

Кадега.

А вы скажите, что мы тамъ будемъ дѣлать?

Бобъ.

Это вамъ доставитъ удовольствіе.

Кадега.

А вы покажите что.

Бобъ.

Не здѣсь.

Кадега.

Я не пойду наверхъ. Меня будутъ ругать.

Бобъ.

Eh bien, мадемуазель!

(Маделенъ-де Мареллъ врывается въ безумномъ волненіи и хватаетъ Кадегу).

Мареллъ.

Вотъ она, Боже мой!—И тебѣ не стыдно, дрянная дѣвчонка, а?

Кадега.

О, maman, я тебя искала!

Мареллъ.

Ты меня искала!—Развѣ я посылала тебя искать меня?—Какія у тебя дѣла съ этимъ гайдукомъ?!—Будешь ты меня помнить!

(Альва, Гейльманъ, Людмила Штейнгерцъ, Пунтшу, графиня Гешвицъ и Лулу входятъ изъ столовой.—Бобъ отходитъ въ сторону).

Мареллъ (Кадегѣ).

Не плачь, перестань!

Лулу.

Что съ тобой? Чего ты плачешь, дитя мое?

Пунтшу (Кадегѣ).

Вы плакали, мадемуазель?

Людмила Штейнгерцъ.

Бѣдная дѣвочка!

Мареллъ.

Это все нервы. Не нужно обращать вниманіе.

Пунтшу.

Но вы слишкомъ строги, мадамъ! Вотъ наиболѣе тяжелый возрастъ.

Гешвицъ.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вернулись къ игрѣ.

(Все общество направляется въ игральную комнату. Бобъ останавливаетъ въ дверяхъ Лулу и говоритъ ей что-то шепотомъ).

Лулу.

Пусть войдетъ. (Бобъ открываетъ дверь и впускаетъ Шигольха, во фракѣ, бѣломъ галстухѣ, стоптанныхъ лакированныхъ сапогахъ и шапоклякъ, которое онъ не снимаетъ).

Шигольхъ (глядя на Боба).

Этотъ откуда у тебя?

Лулу.

Изъ новаго цирка.

Шигольхъ.

Онъ немножко широкъ въ бедрахъ.

Лулу.

Онъ шире меня.—Это тебѣ не нравится?

Шигольхъ.

Сколько онъ получаетъ у тебя жалованья?

Лулу.

Спроси его, если это тебя такъ интересуетъ.

Шигольхъ.

Я еще недостаточно знаю для этого французскій языкъ.

Лулу (Бобу).

Пойдите, затворите двери.

(Бобъ идетъ въ столовую и затворяетъ за собой дв

Шигольхъ.

Мнѣ необходимо нужны 500 франковъ. Я нанялъ квартиру для моей любовницы. Она желаетъ устроиться своей квартирой.

Лулу.

Ты взялъ себѣ здѣсь еще любовницу?

Шигольхъ.

Она изъ Мюнхена. Въ юности она была женой неаполитанскаго короля. Она мнѣ каждый день твердитъ, что она когда-то была очень красива.

Лулу.

А ей очень нужны эти 500 франковъ?

Шигольхъ,

Она хочетъ устроиться своей квартирой. Такія суммы вѣдь не играютъ у тебя никакой роли.

Лулу (падая въ кресло).

О, всемогущій Боже!

Шигольхъ.

Ну?—Что это опять случилось?

Лулу (судорожно всхлипываетъ).

Это слишкомъ ужасно!

Шигольхъ.

Гм.—Ты черезчуръ огорчаешься, дитя мое... Ты должна иногда полежать съ романомъ въ постели... Поплачь, поплачь, лучше выплакаться хорошенько.—Тебя такъ трясло уже разъ, 15 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ человѣкъ еще такъ не кричалъ, какъ ты.—Ты еще не носила бѣлыхъ перьевъ на головѣ и не имѣла чулокъ съ дырочками на ногахъ. У тебя совсѣмъ не было ни чулокъ, ни башмаковъ.

Лулу.

Возьми меня съ собой домой! Возьми меня сегодня на ночь къ себѣ на Quai de la Gare! Прошу тебя! Карету мы всегда найдемъ.

Шигольхъ.

Возьму тебя съ собой; возьму съ собой.—Но что случилось?

Лулу.

Жизнь моя въ опасности. На меня доносятъ!

Шигольхъ.

Кто?—Кто доноситъ на тебя?

Лулу.

Прыгунъ.

Шигольхъ.

Ужъ я позабочусь о немъ за это!

Лулу.

Позаботься о немъ! Прошу тебя, позаботься о немъ. Затѣмъ дѣлай со мной, что хочешь.

Шигольхъ.

Прійди онъ только ко мнѣ, былъ бы ему конецъ. Мое окно выходитъ на Сену.—Но онъ не прійдетъ; онъ не прійдетъ.

Лулу.

Въ какомъ номерѣ дома ты живешь?

Шигольхъ.

25, Quai de la gare.

Лулу.

Я пошлю его туда. Онъ прійдетъ съ этой сумасшедшей, которая все ползаетъ у моихъ ногъ. Сегодня же вечеромъ. Иди домой, чтобы они тамъ все застали въ порядкѣ.

Шигольхъ.

Пускай только прійдутъ.

Лулу.

Принеси мнѣ завтра золотыя кольца, которыя онъ носитъ въ ушахъ.

Шигольхъ.

Развѣ у него кольца въ ушахъ?—Я совсѣмъ еще этого не замѣтилъ.

Лулу.

Ты можешь ихъ отрѣзать, прежде чѣмъ спустить его. Онъ этого не замѣтитъ, если будетъ пьянъ.

Шигольхъ.

А потомъ, дитя мое? Что будетъ потомъ?

Лулу.

Тогда я дамъ тебѣ 500 франковъ для твоей любовницы.

Шигольхъ.

Ну, это я называю скупо. Развѣ у тебя ничего больше нѣтъ?

Лулу.

Чего хочешь! Все, что у меня есть!

Шигольхъ.

Вотъ уже скоро 10 лѣтъ, какъ мы не знаемся.

Лулу.

Только это?—Приходи, сколько хочешь!—Но у тебя вѣдь есть любовница.

Шигольхъ.

Моя Броня не носитъ брильянтовъ. И она вѣдь у меня не со вчерашняго дня.

Лулу.

Только ты поклянись.

Шигольхъ.

Развѣ я когда-нибудь не сдержалъ тебѣ слова?

Лулу.

Поклянись, что ты ему это устроишь!

Шигольхъ.

Я ему это устрою.

Лулу.

Поклянись мнѣ! Поклянись!

Шигольхъ (кладетъ руку на ея колѣни).

Клянусь всѣмъ святымъ!—Сегодня же ночью, если онъ прійдетъ.

Лулу.

Всѣмъ святымъ! — — Даже въ дрожь бросаетъ!

Шигольхъ (снимаетъ руку съ ея колѣнъ).

Даже въ жаръ бросаетъ!

Лулу.

Поѣзжай только сейчасъ домой. Они пріѣдутъ черезъ полчаса! Возьми фіакръ!

Шигольхъ.

Иду.

Лулу.

Скорѣй. Прошу тебя! — — — Всемогущій...

Шигольхъ.

Чего ты опять уставилась на меня?

Лулу.

Ничего...

Шигольхъ.

Ну?—Языкъ у тебя прилипъ, что ли?

Лулу.

Моя подвязка развязалась...

Шигольхъ.

Ну, такъ что же!

Лулу.

Что это означаетъ?

Шигольхъ.

Я завяжу, если ты постоишь смирно.

Лулу.

Это означаетъ несчастье!

Шигольхъ.

Не для тебя, дитя мое. Будь спокойна, ужъ я позабочусь о немъ.—(Уходитъ).

(Лулу ставитъ лѣвую ногу на скамейку, завязываетъ подвязку и идетъ въ игральную комнату.—Касти-Піани выталкиваетъ Родриго въ залъ).

Родриго.

Будьте же, по крайней мѣрѣ, приличны въ обращеніи со мною!

Касти-Піани.

Что-же можетъ меня заставить?!—Я хочу знать, о чемъ вы раньше говорили здѣсь съ этой женщиной!

Родриго.

Тогда можете любить меня.

Касти-Піани.

Отвѣтишь ли ты мнѣ толкомъ, собака!—Ты требовалъ отъ нея, чтобы она поднялась съ тобой въ лифтъ!

Родриго.

Это безстыдная, наглая ложь!

Касти-Піани.

Она сама мнѣ разсказала! Ты угрожалъ ей доносомъ, если она не пойдетъ съ тобой! - Я тебя уничтожу!

Родриго.

Безстыдная женщина! — Какъ будто мнѣ могло прійти нѣчто подобное въ голову! Видитъ Богъ, если бы я и захотѣлъ ее имѣть, мнѣ незачѣмъ грозить ей для этого тюрьмой!

Касти-Піани.

Благодарю. Больше мнѣ ничего не нужно знать. (Уходитъ направо, въ заднюю дверь).

Родриго.

Собака!—Брошу его такъ, что онъ прилипнетъ къ стѣнѣ, какъ Лимбургскій сыръ!—Прійди только, ужъ я обовью тебѣ кишки вокругъ шеи!—Это было бы еще лучше!

(Лулу входитъ изъ игральной комнаты).

Лулу.

Гдѣ ты пропадаешь? Тебя нужно искать, точно булавку.

Родриго.

Я ему показалъ, какъ начинать со мной!

Лулу.

Кому это?

Родриго.

Твоему Касти-Піани! Какъ можешь ты, каналья, разсказывать ему, что я хотѣлъ ввести тебя въ грѣхъ?!

Лулу.

Развѣ ты не требовалъ отъ меня, чтобы я отдалась за 20 тысячъ франковъ сыну моего покойнаго мужа?

Родриго.

Потому что ты обязана сжалиться надъ бѣднягой! Ты въ лучшіе годы жизни застрѣлила его отца. Но пусть твой Касти-Піани остерегается снова попасть мнѣ на глаза! Я дамъ ему такого тумака, что потроха у него выскочатъ. Если у тебя нѣтъ лучшаго мнѣ замѣстителя, я жалѣю, что когда-либо пользовался твоей милостью!

Лулу.

Гешвицъ въ ужасномъ состояніи. Она извивается въ корчахъ. Она можетъ броситься въ Сену, если ты заставишь ее еще дольше ждать.

Родриго.

Чего же ждетъ это животное?

Лулу.

Твоей любви.

Родриго.

Такъ скажи ей, что я ей кланяюсь и пусть прыгаетъ въ Сену.

Лулу.

Она дастъ тебѣ 20 тысячъ франковъ, чтобы спасти меня, если ты спасешь ее. Если ты возьмешь ее сегодня съ собой, я завтра внесу для тебя 20 тысячъ франковъ въ почтовое бюро у Avenue de l'Opéra.

Родриго.

А если я не возьму ее съ собой?

Лулу.

Тогда доноси на меня. Мы съ Альвой на мели.

Родриго.

Громы и хляби небесныя!

Лулу.

Ты осчастливишь четырехъ человѣкъ, если посмотришь на все сквозь пальцы и пожертвуешь собой для благотворительной цѣли.

Родриго.

Дѣло не пойдетъ, я знаю это заранѣе. Я уже теперь достаточно опытенъ. Кто бы предположилъ въ этой палкѣ столько нѣмецкой чувствительности! Что меня привлекало въ этой особѣ, такъ это то, что она аристократка. Мое обращеніе съ ней было такое джентельменское, какое вообще не встрѣчается у нѣмецкихъ артистовъ. Хоть бы разъ полѣзъ ей подъ юбки!

Лулу.

Она еще дѣвственна.

Родриго.

Если есть Богъ на небѣ, ты получишь особое вознагражденіе за свои остроты, предсказываю тебѣ!

Лулу.

Гешвицъ ждетъ. Что мнѣ сказать ей?

Родриго.

Что я низко ей кланяюсь и что я кастратъ.

Лулу.

Исполню.

Родриго.

Подожди!—Вѣрно ли, что я получу отъ нея 20 тысячъ франковъ?

Лулу.

Спроси ее самъ!

Родриго.

Такъ скажи ей, что я готовъ! жду ее въ столовой. Я долженъ еще обработать боченокъ икры.

(Родриго уходитъ въ столовую. Лулу открываетъ дверь въ игральную комнату и зоветъ: „Марта“. Входитъ графиня Гешвицъ и притворяетъ за собой дверь).

Лулу.

Душа моя! Ты можешь спасти меня сегодня отъ смерти.

Гешвицъ.

Какимъ образомъ?

Лулу

Онъ говоритъ, что ты должна принадлежать ему сегодня же, иначе онъ завтра донесетъ на меня.

Гешвицъ.

Ты знаешь, что я не могу принадлежать мужчинѣ. Я не предназначена къ тому судьбой.

Лулу,

Если ты не дашь ему слова, такъ пусть послѣ пеняетъ самъ на себя. Зачѣмъ онъ въ тебя влюбился!

Гешвицъ.

Но онъ будетъ жестокъ, какъ палачъ. Онъ будетъ мстить за свое разочарованіе и разобьетъ мнѣ голову. Я уже испытала это.—Не можешь ли ты избавить меня отъ этого тяжелаго испытанія?

Лулу.

Что ты выиграешь, если онъ предастъ меня?

Гешвицъ.

У меня есть еще 500 франковъ. На эти деньги мы могли бы обѣ уѣхать въ Америку, палубными пассажирами. Тамъ ты была бы въ безопасности отъ всѣхъ твоихъ преслѣдователей.

Лулу.

Я хочу остаться въ Парижѣ. Ни въ какомъ другомъ городѣ я не могу быть счастлива. Ты должна ему сказать, что не можешь безъ него жить. Онъ будетъ очень польщенъ и сдѣлается кроткимъ, какъ ягненокъ. Ты должна также заплатить кучеру. Скажи ему „25, Quai de la Gare“. Это третьестепенная гостиница, въ которой васъ ждутъ сегодня. Написать тебѣ адресъ?

Гешвицъ.

Какъ такая чудовищная вещь можетъ спасти тебѣ жизнь? — Я этого не понимаю. Чтобы мучить меня, ты призываешь на меня самую ужасную судьбу, какая только можетъ разразиться надо мной, отверженной.

Лулу.

Быть можетъ, эта встрѣча вылѣчитъ тебя.

Гешвицъ.

О, Лулу, если существуетъ вѣчное возмездіе, я не хотѣла бы быть вынужденной отвѣчать за тебя! Я не могу примириться съ мыслью, что надъ нами не бодрствуетъ Богъ. И все же ты, быть можетъ, права, что все это вздоръ. Не то, чѣмъ я, ничтожный червь, заслужила его гнѣвъ. Почему я испытываю лишь отвращеніе тамъ, гдѣ всякое живое твореніе теряетъ разсудокъ отъ блаженства!

Лулу.

Ты не должна жаловаться. За то, если ты будешь счастлива, ты будешь въ сто—въ тысячу разъ счастливѣе, чѣмъ мы, простые смертные.

Гешвицъ.

Я это знаю. Я никому не завидую! Но я еще жду этого. Ты меня уже столько разъ обманывала.

Лулу.

Я твоя, моя любимица, если ты успокоишь прыгуна до завтра. Онъ только хочетъ удовлетворить свое тщеславіе. Ты должна его умолять, чтобы онъ сжалился надъ тобой.

Гешвицъ.

А завтра?

Лулу.

Я жду тебя, душа моя. Я не открою глазъ, пока ты не прійдешь. Я не позову горничной, не приму парикмахера, не открою глазъ, пока ты не будешь со мной.

Гешвицъ.

Такъ пусть прійдетъ.

Лулу.

Но ты должна ему броситься на шею, моя дорогая! Помнишь ли ты еще номеръ дома?

Гешвицъ.

25, Quai de la gare.—Только теперь поскорѣе.

Лулу (зоветъ въ столовую).

Сюда, мой милый!

Родриго (выходитъ изъ столовой).

Дамы простятъ мнѣ, что у меня полонъ ротъ.

Гешвицъ (хватаетъ его за руку).

Я обожаю васъ! Сжальтесь надъ моимъ несчастьемъ!

Родриго.

Въ добрый часъ! (Предлагаетъ графинѣ Гешвицъ руку и оставляетъ съ нею залъ).

Лулу.

Покойной ночи, chers enfants! (Провожаетъ ихъ въ корридоръ и сейчасъ же возвращается оттуда съ Бобомъ).

Лулу (Бобу).

Скорѣе, дитя мое! Мы сейчасъ же уѣзжаемъ. Ты будешь меня сопровождать. Только мы переодѣнемся. Ты мнѣ дашь свои платья и надѣнешь мои.—Скорѣе, скорѣе!

Бобъ.

Къ вашимъ услугамъ, madame!

(Лулу и Бобъ уходятъ въ столовую. Въ столовой подымается шумъ. Двери раскрываются настежь. Банкиръ Пунтшу, журналистъ Гейльманъ, Альва Шенъ, Біанетта Гациль, Маделенъ де-Мареллъ, Кадега ди Санта Троце и Людмила Штейнгерцъ входятъ въ залу).

Гейльманъ (держитъ въ рукахъ цѣнную бумагу, на заголовкѣ которой виднѣется изображеніе Альпійскаго заката, къ Пунтшу).

Вы должны ее принять, мосье!

Пунтшу.

Но она не принята въ обращеніи, мой милый!

Гейльманъ.

Вы мошенникъ! Вы отказываетесь дать мнѣ реваншъ!

Біанетта Гациль.

Ахъ, эти пруссаки!

Маделенъ де-Мареллъ.

Вы развѣ понимаете, что тутъ происходитъ?

Людмила Штейнгерцъ.

Онъ забралъ у него деньги.

Гейльманъ.

А теперь онъ бросаетъ игру, этотъ мазурикъ!

Маделенъ де-Мареллъ.

Это не годится!

Пунтшу.

Я бросаю игру?—пусть поставитъ деньги, чортъ возьми! Я здѣсь не въ мѣняльной конторѣ. Пусть прійдетъ ко мнѣ завтра утромъ съ предложеніемъ своихъ бумагъ.

Гейльманъ.

Моихъ бумагъ?! Акціи на 1600 франковъ вы же мнѣ продали!

Пунтшу.

Но для игры нужны наличныя деньги!

Гейльманъ.

Когда вы ограбите человѣка до послѣдняго су, тогда бумага вдругъ „не принята въ обращеніи“?

Кадега.

Что они говорятъ, маманъ?

Маделенъ де-Мареллъ.

Я ничего не понимаю.

Гейльманъ.

Вы разбойникъ! Вы свинья!

Пунтшу.

Успокойтесь, другъ мой, будемъ благоразумны! Ваша бумага не имѣетъ цѣнности. Акціи „Юнгъ-Фрау“ упали сегодня вечеромъ до пятнадцати. Я сейчасъ только получилъ телеграмму объ этомъ. Я не хотѣлъ ничего говорить, но...

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
LIÉGE

Альва.

Какъ это случилось? Мы совершенно разорены!

Пунтшу.

Я самъ теряю цѣлое состояніе! Завтра намъ предложатъ на биржѣ 12 штукъ за 100 су.

Маделенъ де-Мареллъ.

Боже милостивый! Восемнадцать лѣтъ мученій и труда! (падаетъ въ обморокъ).

Кадега.

О, maman, проснись! — Она умираетъ! Она умираетъ!

Біанетта Гациль.

Гдѣ вы обѣдаете сегодня, мосье Пунтшу?

Пунтшу.

Я спѣшу. Я сейчасъ же уѣзжаю.

Біанетта Гациль.

Не предложите ли вы мнѣ поужинать у Максима, разъ вы потеряли цѣлое состояніе?

Пунтшу.

Если хотите. Тамъ будетъ, быть можетъ, пріятнѣе. Здѣсь нечего дѣлать больше.

(Пунтшу и Біанетта уходятъ).

Гейльманъ (комкаетъ свою акцію и бросаетъ ее на полъ).

Вотъ что имѣешь отъ этой сволочи!

Людмила Штейнгерцъ.

Зачѣмъ вы спекулируете на дѣвственницу Юнгъ-Фрау! — Вы пошлете нѣсколько замѣтокъ въ Берлинъ, и это поправитъ дѣло

Гейльманъ.

Вамъ легко говорить, мадамъ. Но я еще не такъ посвященъ въ это ремесло, какъ вы. Не хотите ли взять меня себѣ въ секретари?

Людмила Штейнгерцъ.

Знаете вы „Mouton a cinq pates"? — Пойдемъ туда! Это совсѣмъ близко отъ Halles. Мы будемъ тамъ, какъ дома. До разсвѣта мы составимъ хорошенькую маленькую статейку.

Гейльманъ.

Вы, значитъ, совсѣмъ не спите?

Людмила Штейнгерцъ.

Ночью? — Никогда!

(Гейльманъ и Штейнгерцъ уходятъ).

Альва (наклонившись надъ Марелль).

У нея руки, какъ ледъ. Какъ она прекрасна! Нужно было бы разстегнуть ей лифъ, чтобъ она могла свободнѣе дышать!

(Изъ столовой — входитъ Лулу въ жокейской шляпѣ, красномъ жакетѣ, бѣлыхъ кожаныхъ панталонахъ и сапогахъ съ отворотами, съ крыла ткой на плечахъ).

Лулу.

Есть еще у тебя сколько-нибудь денегъ, Альва?

Альва.

Ты съ ума сошла?

Лулу.

Черезъ двѣ минуты прійдетъ полиція. Насъ выдали. Оставайся здѣсь, если хочешь!

Альва.

Боже милосердный!

(Лулу и Альва уходятъ).

Кадега ди Санта Троце.

Maman, проснись! Всѣ убѣгаютъ!

Маделенъ де-Марелль (приходя въ себя).

Молодость прошла, исчезли хорошіе дни! О, эта жизнь!

Кадега.

Я буду зарабатывать деньги для двухъ. Я не вернусь въ свой монастырь!

Маделенъ де-Мареллъ.

Благослови тебя Богъ! Ты сама не знаешь, что говоришь! — Быть можетъ, меня пригласятъ въ Concert Parisien. Я буду пѣть тамъ про мои несчастья; это покажется имъ забавнымъ!

Кадега

Но у тебя вѣдь нѣтъ голоса, maman!

Маделенъ де-Мареллъ.

Да, это правда.

Кадега.

Не возьмешь ли ты меня съ собой?

Маделенъде-Мареллъ.

Въ твоемъ коротенькомъ платьицѣ?! Ну, нѣтъ!

Кадега.

Вотъ именно! Развѣ я не мила въ немъ?

Маделенъ де-Мареллъ.

Хорошо, пусть такъ! Богъ проститъ меня! Завтра вечеромъ мы пойдемъ въ Олимпію, если хочешь.

Кадега.

Хочу ли я, мамочка! Тогда тебѣ будетъ чѣмъ жить.

Господинъ (входитъ изъ корридора).

Именемъ закона — мадамъ, вы арестованы!

Касти-Піани (слѣдуя за нимъ).

Нѣтъ, нѣтъ!

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Лондонъ. Чердачная комната безъ мансардъ. Два большихъ кружка въ крышѣ открываются кверху. Справа и слѣва, кпереди, плохо закрывающіяся двери. Справа на авансценѣ порванный сѣрый матрацъ. Слѣва впереди шатающійся цвѣточный столикъ, на которомъ стоятъ бутылки виски и копчащая керосиновая лампа. Слѣва сзади, въ углу — старая chaise-longue, у средней двери — дырявый соломенный стулъ. Слышно, какъ дождь барабанитъ объ крышу: онъ капаетъ черезъ люкъ въ комнату, такъ что на полу вода. На матрацѣ лежитъ Шиголькъ, въ длинномъ сѣромъ пальто. На chaise-longue въ лѣвомъ углу лежитъ Альва Шенъ, закутанный въ плэдъ, ремни отъ котораго висятъ надъ нимъ на стѣнѣ.

Шиголькъ.

Дождь барабанитъ къ параду.

Альва.

Погода съ настроеніемъ для ея перваго выхода!

(Лулу, въ полудлинныхъ волосахъ, падающихъ ей на плечи, въ черномъ оборванномъ платьѣ, босая выходитъ изъ лѣвой двери, съ умывальной чашкой въ рукахъ, которую она ставитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ каплетъ вода черезъ крышу).

Шиголькъ.

Гдѣ ты оставалась, дитя мое? — Ты сейчасъ мыла руки?

Альва.

Опрятность—украшеніе бѣдности.

Лулу (выпрямляясь, откидывая волосы назадъ).

Если бы только тебя не было здѣсь.

Альва.

Мнѣ сейчасъ снилось, что мы обѣдали вмѣстѣ у „Максима“. Біанетта Гациль тоже была съ нами. Я заказалъ fers de cheval. На всѣхъ четырехъ углахъ со стола лилось шампанское.

Шигольхъ.

Yes, yes; а мнѣ снился кусокъ плумъ-пуддинга.

Лулу.

Если бы можно было хоть немножко согрѣться объ одного изъ васъ.

Альва.

Ты хочешь совершить свое паломничество босикомъ?

Шигольхъ.

Первый шагъ всегда стоитъ всякихъ вздоховъ и стоновъ. Двадцать лѣтъ назадъ дѣла ея не были ни на волосъ лучше, а вѣдь она чему научилась за это время! Нужно только, раньше, чтобы уголья разгорѣлись хорошенько. Пройдетъ восемь дней, и никакіе локомотивы не удержатъ ее больше здѣсь, въ нашей бѣдной чердачной комнатѣ.

Альва.

Чашка уже переполнена, изъ нея бѣжитъ вода.

Лулу.

Что же мнѣ дѣлать съ водой?

Альва.

Вылей черезъ окно.

Лулу (становится на стулъ и выливаетъ воду изъ чашки черезъ люкъ крыши).

Дождь, наконецъ, какъ будто уменьшается.

Шигольхъ.

Ты прозѣваешь время, когда приказчики послѣ урока возвращаются домой.

Лулу.

Далъ бы Богъ, чтобы я уже лежала гдѣ-нибудь, гдѣ никакіе шаги не разбудили бы меня!

Альва.

Я желалъ бы того же. Зачѣмъ еще влачить эту жизнь! Лучше намъ всѣмъ вмѣстѣ, въ мирѣ и согласіи, умереть сегодня съ голоду. Вѣдь это все равно послѣдняя станція.

Лулу.

Почему же ты, лѣнтяй, не пойдешь и не достанешь намъ чего-нибудь поѣсть?! За всю свою жизнь ты не заработалъ ни одного пфеннига!

BIBLIOTHEQUE R... LYON

Альва.

Въ такую погоду, когда и собаку не выгоняютъ на улицу?!

Лулу.

А меня можно! я должна набить вамъ глотки каплей крови, еще оставшейся въ моихъ жилахъ.

Альва.

Я не дотронусь до этихъ денегъ.

Шиголькъ.

Оставь ее. Она въ пятнадцать лѣтъ кормила свою семью. Мнѣ хочется плумъ-пуддинга, и будетъ съ меня.

Альва.

А мнѣ хочется сочный бифштексъ и сигару, а потомъ умереть!—Мнѣ сейчасъ снилась такая сигара, какой я еще никогда не курилъ.

Шиголькъ.

Она скорѣе дастъ намъ сдохнуть на своихъ глазахъ, чѣмъ доставитъ себѣ удовольствіе ради нашего спасенія.

Лулу.

Люди охотнѣе оставятъ въ моихъ рукахъ плащъ и сюртукъ, чѣмъ даромъ пойдутъ со мной! Если бы вы не продали моихъ платьевъ, я по крайней мѣрѣ не должна была бы избѣгать свѣта фонарей. Хотѣла бы я видѣть женщину, которая еще что-нибудь зарабатываетъ въ такихъ лохмотьяхъ, какъ мои.

Альва.

Я все испробовалъ, ничто человѣческое не осталось мнѣ чуждо. Пока я имѣлъ еще деньги, я проводилъ ночи въ томъ, что составлялъ таблицы,

по которымъ можно было бы выигрывать у самыхъ отчаянныхъ шулеровъ, причемъ день за днемъ терялъ больше, чѣмъ если бы выбрасывалъ деньги на улицу цѣлыми ведрами. Затѣмъ я предложилъ себя къ услугамъ куртизанокъ. Но онѣ не берутъ человѣка, на котораго правосудіе еще не наложило своего клейма. И они съ перваго же взгляда видятъ, имѣетъ ли кто отношеніе къ висѣлицѣ, или нѣтъ.

Шигольхъ.

Yes, yes.

Альва.

Я не старался избѣгать разочарованій. Но когда я острилъ, онѣ смѣялись надо мной. Если я былъ самимъ собой и велъ себя прилично, мнѣ давали пощечины. Если же я пробовалъ прибѣгать къ низостямъ, онѣ становились такими скромными и цѣломудренными, что у меня волосы становились дыбомъ. Кто не прошелъ сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, тотъ не найдетъ у нихъ довѣрія.

Шигольхъ.

Не надѣнешь ли ты, наконецъ, свои сапоги, дитя мое? Я думаю, мнѣ тутъ не состариться. Выше пальцевъ ногъ я ничего уже не чувствую съ самаго Парижа. Какъ видно, пора моя пришла.

Къ тому же жажда путешествія не даетъ мнѣ покою. Около полуночи я еще выпью, пожалуй, виски стаканчикъ, содомъ-виски, въ космополитанъ-клубѣ. Буфетчица сказала мнѣ тамъ вчера, что я имѣю еще шансы сдѣлаться ея любовникомъ.

Лулу.

Пропади все къ чорту, иду внизъ! (Беретъ бутылку виски со стола и пьетъ).

Шигольхъ.

Чтобы за полверсты уже почувствовали, что ты идешь.

Лулу.

Я не все выпью.

Альва.

Ты не пойдешь внизъ, жена моя! Ты не пойдешь внизъ! Я тебѣ запрещаю!

Лулу.

Что ты хочешь запретить своей женѣ, которую ты не можешь прокормить?

Альва.

Кто же виноватъ въ этомъ? Кто же другой, какъ не жена моя, сдѣлалъ меня больнымъ?

Лулу.

Развѣ я больна?

Альва.

Кто повергъ меня въ грязь?—Кто сдѣлалъ меня убійцей моего отца?

Лулу.

Развѣ ты его застрѣлилъ?—Онъ немного потерялъ. Но когда я вижу, что ты лежишь тамъ, я бы хотѣла отрубить себѣ обѣ руки за то, что я такъ погрѣшила противъ разума!—(уходитъ налѣво въ свою каморку).

Альва.

Она мнѣ передала это отъ своего Касти-Піани. Она сама давно, конечно, невоспріимчива болѣе.

Шигольхъ.

Такимъ чертовымъ мошенникамъ ни во вѣкъ не искупить своихъ грѣховъ.

(Лулу возвращается изъ своей каморки съ парой стоптанныхъ башмаковъ и садится на полъ, чтобы надѣть ихъ).

Лулу.

Если бы я только не полетѣла кувыркомъ по лѣстницѣ! — Ухъ, какъ холодно. — — Есть ли что-нибудь болѣе печальное на этомъ свѣтѣ, чѣмъ публичная женщина!

Шигольхъ.

Терпѣнье, терпѣнье! Нужно только, чтобы дѣло наладилось, какъ слѣдуетъ.

Лулу.

Мнѣ все равно. Меня больше жалѣть нечего. (Прикладывается къ бутылкѣ виски). Это согрѣваетъ, это возбуждаетъ меня! О проклятье!

(Уходитъ, шатаясь, черезъ среднюю дверь).

Шигольхъ.

Когда мы услышимъ, что она идетъ, намъ нужно будетъ залѣзть въ мой уголъ.

Альва.

Безконечно жаль ее! — Какъ я подумаю, съ другой стороны — вѣдь я почти выросъ вмѣстѣ съ нею.

Шигольхъ.

Пока я буду живъ, ея еще во всякомъ случаѣ хватитъ.

Альва.

Сначала у насъ были чисто братскія отношенія. Мама еще была тогда жива. Однажды утромъ я случайно засталъ ее за туалетомъ. Докторъ Голль былъ приглашенъ на консультацію. Ея парикмахеръ прочелъ тогда мое первое стихотвореніе, напечатанное въ журналѣ „Общество“ — „Гони свою стаю собакъ далеко черезъ горы; она вернется опять, вся покрытая потомъ и пылью...“

Шигольхъ.

O, yes!

Альва.

Затѣмъ она явилась на балъ испанскаго посланника, вся въ розовомъ тюлѣ, снизу у нея былъ только бѣлый атласный корсетъ. Докторъ Голль, повидимому, уже чувствовалъ приближеніе смерти. Онъ просилъ меня танцовать съ ней, чтобы она не надѣлала глупостей. Между тѣмъ, отецъ не спускалъ съ насъ глазъ, а она, во время вальса, смотрѣла черезъ мое плечо только на него. Потомъ она застрѣлила его. Просто невѣроятно.

Шигольхъ.

Я только сильно сомнѣваюсь въ томъ, клюнетъ ли еще кто-нибудь сегодня.

Альва.

Я бы и не посовѣтовалъ никому.

Шигольхъ.

Вотъ болванъ!

Альва.

Не смотря на то, что, какъ женщина, она была уже тогда совершенно развита, у нея было выраженіе пятилѣтняго бодраго, здороваго ребенка. Она была только на три года моложе меня. Но какъ это давно

было! Не смотря на ея баснословное благоразуміе въ вопросахъ практической жизни, она попросила, чтобы я объяснилъ ей содержаніе „Тристана и Изольды". И какъ она превосходно умѣла слушать! Изъ сестрицы, которая чувствовала себя въ замужествѣ, какъ школьница, она превратилась въ несчастную, истеричную жену художника. Супруга художника сдѣлалась потомъ женой моего покойнаго отца, а жена моего отца стала моей любовницей. Таковъ ходъ вещей въ этомъ мірѣ; кто же можетъ съ нимъ бороться?

Шигольхъ.

Если бы она только не дала тягу въ послѣднюю минуту, или не привела бы какого-нибудь оборванца, съ которымъ обмѣняется сердечной тайной.

Альва.

— Я поцѣловалъ ее въ первый разъ, когда она была въ ослѣпительномъ подвѣнечномъ костюмѣ, но она потомъ совсѣмъ не помнила объ этомъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что въ объятьяхъ отца она думала обо мнѣ. Это не могло быть, конечно, часто. Онъ былъ уже немолодъ, а она обманывала его съ кучеромъ и лакеемъ. Но когда она отдавалась ему, она видѣла передъ собой мой образъ. Вотъ почему она, незамѣтно для меня, пріобрѣла надо мной эту ужасную власть.

Шигольхъ.

Вотъ они!

(На лѣстницѣ слышны тяжелые шаги).

Альва (вскакивая).

Я не хочу дожить до этого! Я выгоню этого молодца!

Шигольхъ (съ трудомъ подымается, беретъ Альву за шиворотъ и толкаетъ его направо).

Впередъ! Впередъ! Какъ же этотъ парень повѣдаетъ ей свое горе, когда мы здѣсь оба болтаемся.

Альва.

А если онъ требуетъ отъ нея какой-нибудь низости!

Шигольхъ.

А если, а если! Что же онъ отъ нея потребуетъ! Онъ тоже только человѣкъ, какъ и мы.

Альва.

Мы должны оставить дверь открытой.

Шигольхъ (выталкивая Альву за перегородку).

Зачѣмъ оставлять дверь открытой.

Альва (за перегородкой).

Я слышу, что тамъ происходитъ. Помилуй Богъ!

Шигольхъ (запираетъ двери отъ каморки. Снутри).

Теперь тише!

Альва (снутри).

Пусть остерегается.

(Лулу открываетъ среднюю дверь и впускаетъ мистера Гопкинса, человѣка богатырскаго сложенія, съ гладко выбритымъ розовымъ лицомъ, небесно-синими глазами и ласковой улыбкой. Онъ носитъ пальто съ пелериной и цилиндръ и держитъ въ рукѣ мокрый зонтикъ).

Лулу.

Вотъ моя комнатка.

(М-ръ Гопкинсъ прикладываетъ указательный палецъ къ губамъ и многозначительно смотритъ на Лулу. Затѣмъ онъ открываетъ зонтикъ и ставитъ его на заднемъ планѣ на полъ, чтобы онъ просохъ).

Лулу.

Здѣсь не очень комфортабельно.

(М-ръ Гопкинсъ приближается къ Лулу и закрываетъ ей ротъ рукой).

Лулу.

Что вы этимъ думаете?

(М-ръ Гопкинсъ закрываетъ ей ротъ рукой и прикладываетъ указательный палецъ къ губамъ).

Лулу.

Я этого не понимаю.

(М-ръ Гопкинсъ придерживаетъ ей ротъ рукой).

Лулу (освобождаясь).

Мы одни. Здѣсь нѣтъ никого.

(М-ръ Гопкинсъ прикладываетъ указательный палецъ къ губамъ, отрицательно качаетъ головой, показываетъ на Лулу, открываетъ ротъ, какъ бы для разговора, указываетъ на себя и потомъ на дверь).

Лулу (въ сторону).

Боже мой, какое чудовище!

(М-ръ Гопкинсъ закрываетъ ей ротъ, затѣмъ идетъ назадъ, складываетъ свое пальто и кладетъ его на стулъ у дверей. Затѣмъ онъ возвращается, улыбаясь, оскаливая зубы, беретъ голову Лулу обѣими руками и цѣлуетъ ее въ лобъ).

Шигольхъ (позади полуоткрытой двери, справа впереди).

У него сплинъ.

Альва.

Пусть остерегается!

Шигольхъ.

Уже болѣе безнадежнаго и привести было нельзя.

Лулу (отступая назадъ).

Надѣюсь, вы мнѣ дадите немножко денегъ.

(М-ръ Гопкинсъ закрываетъ ей ротъ и суетъ въ руку 10 шиллинговую монету).

(Лулу осматриваетъ монету и бросаетъ ее изъ одной руки въ другую. [М-ръ Гопкинсъ неувѣренно и вопросительно смотритъ на нее).

Лулу (пряча монету въ карманъ).

Хорошо!

(М-ръ Гопкинсъ быстро закрываетъ ей ротъ, даетъ ей 5 шиллинговую монету и бросаетъ ей повелительный взглядъ).

Лулу.

Вы щедры!

(М-ръ Гопкинсъ бѣгаетъ по комнатѣ, какъ сумасшедшій, размахиваетъ руками и смотритъ на небо взглядомъ, полнымъ отчаянья.

Лулу осторожно приближается къ нему, обнимаетъ его и цѣлуетъ въ губы. М-ръ Гопкинсъ, беззвучно смѣясь, освобождается отъ нея и вопросительно осматриваетъ комнату).

(Лулу беретъ лампу съ цвѣточнаго столика, бросаетъ на м-ра Гопкинса многообѣщающій взглядъ и открываетъ дверь въ свою каморку.

М-ръ Гопкинсъ входитъ, улыбаясь, приподнимая позади дверей свою шляпу.

Лулу слѣдуетъ за нимъ.

На сценѣ темно, только слѣва лучъ свѣта проникаетъ черезъ дверную щель. — Альва и Шиголькъ выползаютъ на четверенькахъ изъ-за своей перегородки).

Альва.

Они тамъ.

Шиголькъ (позади его).

Подожди еще.

Альва.

Здѣсь ничего не слышно.

Шиголькъ.

Сколько разъ мы это слышали!

Альва.

Я хочу стать на колѣни передъ ея дверью.

Шиголькъ.

Вотъ такъ маменькинъ сынокъ! (Онъ продвигается мимо Альвы, ощупью пробирается по сценѣ, беретъ со стула пальто м-ра Гопкинса и обыскиваетъ въ немъ карманы.)

(Альва прокрадывается къ дверямъ каморки Лулу).

Шиголькъ.

Перчатки—больше ничего! (Переворачиваетъ пальто на другую сторону, осматриваетъ внутренніе карманы и вытаскиваетъ оттуда книгу, которую передаетъ Альвѣ). Посмотри-ка, что это такое!

Альва (держитъ книгу такъ, чтобы на нее падалъ лучъ свѣта черезъ щель двери). „Лекціи для людей, работающихъ и желающихъ работать на христіанской нивѣ. Съ предисловіемъ преподобнаго W. Hay.—Очень полезная книга. Цѣна 3 шиллинга 6 п.“

Шигольхъ.

Господь Богъ, повидимому, совсѣмъ оставилъ его. (Кладетъ пальто на стулъ и пробирается ощупью за свою перегородку). Ничего здѣсь нѣтъ въ Лондонѣ. Блестящее время этой націи уже позади.

Альва.

Жизнь никогда не бываетъ такъ плоха, какъ представляешь себѣ.

(Также ползетъ назадъ за перегородку).

Шигольхъ.

Даже шелковаго кашнэ нѣтъ у этого молодца. А мы въ Германіи еще пресмыкаемся передъ этой сволочью!

Альва.

Надо намъ опять исчезнуть. Быть можетъ, онъ дастъ ей еще что-нибудь на прощанье.

Шигольхъ.

Она не думаетъ ни о чемъ, кромѣ своего удвольствія, и беретъ перваго, попавшагося ей на пути. Эта собака ее, вѣроятно, всю жизнь не забудетъ. Шигольхъ и Альва заползаютъ за свою перегороцку и притворяютъ за собой дверь. Вслѣдъ затѣмъ выходятъ Лулу и мистеръ Гопкинсъ. Она ставитъ лампу на столъ, въ то время какъ мистеръ Гопкинсъ задумчиво разсматриваетъ ее).

Лулу.

Думаете вы прійти еще разъ?

(М-ръ Гопкинсъ закрываетъ ей ротъ).

Лулу, слегка преобразившись, смотритъ какъ бы съ отчаяньемъ на небо и качаетъ головой.

М-ръ Гопкинсъ набрасываетъ свое пальто и приближается къ ней, оскаливъ зубы улыбкой. Она бросается ему на шею, онъ осторожно освобождается отъ нея, цѣлуетъ ей руку и направляется къ двери. Она хочетъ провожать его, но онъ мигаетъ ей, чтобы она осталась и безшумно выходитъ изъ комнаты. Шигольхъ и Альва выходятъ изъ-за перегородки).

Лулу.

Ахъ, какъ этотъ человѣкъ возбудилъ меня!

Альва

Сколько онъ тебѣ далъ?

Лулу.

Пятнадцать шиллинговъ. Вотъ они! Возьми ихъ! Я опять иду внизъ.

Шигольхъ.

Мы проживемъ еще здѣсь наверху, какъ какіе-нибудь принцы.

Альва.

Онъ возвращается!

Шигольхъ.

Такъ надо намъ опять уйти.

Альва.

Онъ ищетъ свой молитвенникъ; вотъ онъ. Онъ выпалъ, вѣроятно, изъ кармана пальто.

Лулу (прислушиваясь).

Нѣтъ, это не онъ. Это кто-то другой.

Альва.

Кто-то идетъ наверхъ. Я ясно слышу.

Лулу.

А теперь кто-то нащупываетъ дверь.—Кто бы это могъ быть?

Шигольхъ.

Вѣроятно, какой-нибудь пріятель, которому онъ рекомендовалъ насъ.—Войдите!

(Входитъ графиня Гешвицъ. Она бѣдно одѣта и держитъ полотняный свертокъ въ рукахъ).

Гешвицъ.

Если я тебѣ мѣшаю, я уйду. Хотя я, правда, уже 10 дней не говорила съ живой душой. Я должна только сейчасъ сказать тебѣ, что я не получила денегъ. Мой братъ мнѣ ничего не отвѣтилъ.

Шигольхъ.

Теперь, ваша графская милость, желали бы пріютиться за нашимъ столомъ?

Лулу.

Я опять иду внизъ.

Гешвицъ.

Куда же ты въ такомъ костюмѣ? — Я все же пришла не совсѣмъ съ пустыми руками. Я принесла тебѣ нѣчто другое. По дорогѣ сюда, на Лейчестеръ-Скверѣ, одинъ ветошникъ предлагалъ мнѣ за это двѣнадцать шиллинговъ, а у меня не хватило духу разстаться съ этой вещью. Но ты можешь ее продать, если хочешь.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE LIÉGE

Шигольхъ.

А что у васъ тамъ такое?

Альва.

Покажите-же. (Онъ беретъ у нея свертокъ и разворачиваетъ его). О, Боже, вѣдь это портретъ Лулу!

Лулу (вскрикивая).

И это ты принесла сюда, чудовище? — Уберите портретъ съ моихъ глазъ! Выбросьте его за окно!

Альва.

Ну, нѣтъ. Передъ этимъ портретомъ ко мнѣ возвращается мое уваженіе къ себѣ. Онъ дѣлаетъ для меня понятной мою судьбу. Все, что мы пережили, становится такимъ естественнымъ, понятнымъ, яснымъ, какъ солнце. Кто чувствуетъ себя въ безопасности, глядя на эти цвѣтущія, полныя губы, большіе, невинные, дѣтскіе глаза и розовато-бѣлое, роскошное тѣло, пусть броситъ въ насъ первый камень.

Шигольхъ.

Нужно его повѣсить. Онъ будетъ производить превосходное впечатлѣніе на нашихъ кліентовъ.

Альва.

Вотъ тамъ на стѣнѣ есть готовый гвоздь.

Шигольхъ.

Какъ вы пріобрѣли его?

Гешвицъ.

Я тайкомъ вынула его изъ стѣны вашей квартиры, когда вы уѣхали изъ Парижа.

Альва.

Жаль, что съ краю стерта краска! Вы недостаточно осторожно свернули его. (Вѣшаетъ верхній край картины на гвоздь, торчащій въ стѣнѣ).

Шигольхъ.

Чтобы держалось, нуженъ внизу еще одинъ гвоздь. Вся квартира пріобрѣтаетъ болѣе элегантный видъ.

Альва.

Дай мнѣ. Я уже знаю, какъ сдѣлаю. (Онъ вырываетъ нѣсколько гвоздей изъ стѣны, снимаетъ лѣвый сапогъ и прибиваетъ каблукомъ край портрета къ стѣнѣ).

Шигольхъ.

Пусть повиситъ нѣкоторое время, тогда только можно хорошенько оцѣнить его. Кто посмотритъ на него, тому потомъ покажется, что онъ наслаждается величайшимъ блаженствомъ.

Альва (снова надѣвая свой сапогъ).

Тѣло ея достигло апогея своего развитія, когда былъ нарисованъ этотъ портретъ. Лампу, дитя мое! Онъ мнѣ кажется черезчуръ темнымъ.

Гешвицъ.

Это рисовалъ, вѣроятно, какой-нибудь выдающійся художникъ.

Лулу (подходя съ лампой къ портрету).

Развѣ ты не знала его?

Гешвицъ.

Нѣтъ. Это было, вѣроятно, задолго до меня.

Альва (сравнивая портретъ съ Лулу).

Дѣтское выраженіе глазъ, несмотря на все, что она испытала съ тѣхъ поръ, осталось совершенно то же самое. Но свѣжесть кожи, ароматное дыханіе губъ, свѣтлое сіяніе вокругъ чела и вызывающая прелесть молодого тѣла, шеи и рукъ...

Шигольхъ.

Все это пошло прахомъ. Но она можетъ, по крайней мѣрѣ, сказать: такой я была когда-то! Кому она теперь попадетъ въ руки, тотъ не составитъ себѣ представленія о нашихъ молодыхъ годахъ.

Альва.

Слава Богу, что не замѣчаешь прогрессирующаго упадка, когда живешь постоянно вмѣстѣ. Женщина расцвѣтаетъ для насъ въ тотъ моментъ, когда она должна навѣки погубить человѣка. Таково уже ея природное назначеніе.

Шигольхъ.

При мерцаніи фонарей, она и теперь еще найдетъ дюжину такихъ англійскихъ пустомелей. Кто хочетъ еще объ эту пору заводить знакомство, тотъ вообще не обращаетъ вниманія на тѣлесныя качества. Онъ интересуется душевными добродѣтелями и предпочтетъ ту особу, съ которой менѣе всего долженъ бояться, что она обокрадетъ его.

Лулу.

Посмотрю, правъ ли ты. Прощайте.

Альва.

Клянусь жизнью, ты не пойдешь больше внизъ.

Гешвицъ.

Куда ты хочешь итти?

Альва.

Она хочетъ привести себѣ молодца.

Гешвицъ.

Лулу!

Альва.

Она уже это разъ сдѣлала сегодня.

Гешвицъ.

Лулу, Лулу! Куда бы ты ни пошла, я съ тобой!

Шигольхъ.

Если вы хотите отдать свои кости въ ростъ, такъ вы поищите себѣ, пожалуйста, собственный тротуаръ.

Гешвицъ.

Лулу, я не отойду отъ тебя. У меня оружіе съ собой.

Шигольхъ.

Проклятье! Ваша графская милость желаетъ удить рыбу нашей удочкой.

Лулу.

Вы меня замучите! Я здѣсь не выдержу дольше!

Гешвицъ.

Ты ничего не бойся! Я съ тобой! (Лулу и Гешвицъ уходятъ въ среднюю дверь).

Шигольхъ.

Сакраментъ, сакраментъ, сакраментъ!

Альва (бросается на chaise-longue).

Мнѣ нечего больше ждать хорошаго на этомъ свѣтѣ.

Шигольхъ.

Нужно было за глотку удержать эту женщину! Своимъ аристократическимъ мертвымъ черепомъ она разгонитъ все, что еще способно дышать!

Альва.

Она сдѣлала меня больнымъ и насквозь пронизала меня терніями!

Шигольхъ.

Для этого у нея хватитъ храбрости и на десятокъ мужчинъ.

Альва.

Ни одинъ раненый не былъ бы такъ благодаренъ за послѣдній, смертельный ударъ, какъ я!

Шигольхъ.

Если бы она не привлекла гимнаста на Quai de la gare, онъ бы еще и теперь сидѣлъ у насъ на шеѣ.

Альва.

Онъ носится предо мной, какъ вѣтка съ золотыми яблоками передъ Танталомъ.

(Пауза)

Шигольхъ (на своемъ матрацѣ).

Не подымешь ли ты немножко огонь въ лампѣ?

Альва.

Можетъ ли такъ же невыразимо страдать дикарь въ своей пустынѣ?— Боже мой, что я сдѣлалъ изъ своей жизни?!

Шигольхъ.

Что сдѣлала эта собачья погода съ моимъ пальто!—Въ двадцать пять лѣтъ я уже зналъ, что мнѣ дѣлать!

Альва.

Не всякій испыталъ такую прекрасную, свѣтлую юность, какъ я!

Шигольхъ.

Мнѣ кажется, лампа сейчасъ кончается. Пока они прійдутъ, здѣсь будетъ темно, какъ въ утробѣ матери.

Альва.

Я вполнѣ сознательно искалъ общенія съ людьми, которые не прочитали въ своей жизни ни одной книги. Со всей силой самоотверженія и вдохновенія, я стремился достигнуть высочайшихъ высотъ поэтической славы. Расчетъ оказался невѣрнымъ. Я мученикъ своего призванія. Со смерти моего отца, я не написалъ болѣе ни одной строки.

Шигольхъ.

Если бы онѣ только не остались вмѣстѣ.—Разумный парень никакъ не пойдетъ съ двумя.

Альва.

Онѣ не остались вмѣстѣ.

Шигольхъ.

Надѣюсь. Въ случаѣ нужды, она сумѣетъ дать пинка этой особѣ.

Альва.

Одинъ, вышедшій изъ черни, теперь наиболѣе знаменитый поэтъ своей націи, а другой, родившійся въ пурпурѣ, лежитъ здѣсь въ Лондонѣ, въ ямѣ и не можетъ умереть.

Шигольхъ.

Они идутъ.

Альва.

А какіе блаженные часы провели они вмѣстѣ, соединенные общей радостью творчества!

Шигольхъ.

Это они могутъ настоящимъ образомъ только теперь.—Мы опять должны залѣзть.

Альва.

Я останусь здѣсь.

Шигольхъ.

Чего ты ее жалѣешь?—Кто тратитъ свои деньги, у того есть на то и свои причины!

Альва.

У меня нѣтъ больше нравственнаго мужества, чтобы потревожить себя изъ-за суммы въ 15 шилинговъ (заползаетъ подъ свой плэдъ).

Шигольхъ.

Приличный человѣкъ всегда дѣлаетъ все, чего отъ него требуютъ обстоятельства (Прячется за перегородку).

Лулу (открываетъ дверь).

Войдите, войдите!

(Кунгу Поти кронпринцъ Уагубы, въ свѣтломъ пальто, свѣтлыхъ брюкахъ, бѣлыхъ гамашахъ, желтыхъ ботинкахъ на пуговицахъ и сѣромъ цилиндрѣ, входитъ).

Кунгу Поти.

Очень темно на лѣстницѣ.

Лулу.

Войдите, мой другъ, здѣсь свѣтлѣе.

Кунгу Поти.

Это ваша гостиная?

Лулу.

Да, сэръ.

Кунгу Поти.

Мнѣ холодно.

Лулу.

Не выпьете ли чего-нибудь?

Кунгу Поти.

Пожалуй. Есть у васъ водка?

Лулу.

Возьмите! (подавая ему бутылку). Не знаю, гдѣ стаканъ.

Кунгу Поти.

Это не важно. (Прикладывается къ бутылкѣ). Хорошо!

Лулу.

Вы славный молодой человѣкъ.

Кунгу Поти.

Мой отецъ султанъ Цгубе. У меня шесть женщинъ въ Лондонѣ 3 англичанки и 3 француженки, но у меня нѣтъ никакого удовольствія ихъ видѣть. Онѣ слишкомъ чопорны для меня.

Лулу.

Долго вы пробудете въ Лондонѣ?

Кунгу Поти.

Достаточно. Когда умретъ мой отецъ, я долженъ буду отправиться въ Цгубе. Мое царство вдвое больше Англіи.

Лулу.

Сколько вы мнѣ дадите?

Кунгу Поти.

Даю вамъ суверенъ. Ла. я дамъ вамъ одинъ фунтъ. Я всегда даю соверенъ.

Лулу.

Вы можете дать мнѣ, пожалуй, потомъ, но должны мнѣ показать раньше.

Кунгу Поти.

О, я никогда не плачу впередъ!

Лулу.

Хорошо, только покажите мнѣ свою монету.

Конгу Поти.

Нѣтъ, моя маргаритка! Идемъ! (обхватывая ее за животъ). Идемъ!

Лулу.

Оставьте меня, говорю вамъ!

Кунгу Поти (хватаетъ ее за волосы).

Идемъ, маргаритка, гдѣ кровать?

Лулу.

Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого!

Кунгу Поти (поваливъ ее на полъ).

Хорошо!

(Альва вскакиваетъ, хватаетъ Кунгу Поти сзади за горло).

Кунгу Поти.

Что тутъ за дыра, разбойничій вертепъ! (ударяетъ Альву кастетомъ по головѣ).

(Альва со стономъ падаетъ).

Кунгу Поти.

Ну хорошо, я ухожу (уходитъ).

Лулу.

Я также не останусь здѣсь — (уходитъ) Въ кабакъ! (уходитъ).

(Шигольхъ выходитъ изъ-за своей перегородки).

Шигольхъ (наклонившись надъ Альвой). — — Кровь! —

Альва! — — Нужно его убрать. — Гоппъ! — Иначе наши друзья наткнутся на него. — Альва! — Альва! Нужно же выяснить дѣло — ! — такъ или иначе — а то, пожалуй, поздно будетъ! — — Я попробую поставить его на ноги. (Зажигаетъ спичку и кладетъ ее Альвѣ за воротникъ. Альва не шевелится). — Онъ желаетъ покой. — Но здѣсь не полагается спать. (Тащитъ его за шиворотъ въ комнату Лулу. Затѣмъ пробуетъ поднять огонь въ лампѣ). Мнѣ пора, а то послѣ не достанешь въ космополитанъ-клубѣ плумпуддинга. Богъ знаетъ, когда тѣ вернутся со своей увеселительной прогулки. — (Глядя на портретъ Лулу).Эта не понимаетъ дѣла. Она не можетъ жить любовью, потому что жизнь ея любовь.—Она идетъ! Я постараюсь усовѣстить ее...

(Дверь отворяется и входитъ графиня Гешвицъ).

Шигольхъ.

Если вы хотите у насъ ночевать, присмотрите, пожалуйста, чтобы ничего не украли.

Гешвицъ.

Какъ здѣсь темно!

Шиголькъ.

Станетъ еще темнѣе. — Господинъ докторъ уже отправился на покой.

Гешвицъ.

Она послала меня впередъ.

Шиголькъ.

Это разумно. — Если кто меня спроситъ, я буду внизу, въ космополитанъ-клубѣ. — (Уходитъ).

Гешвицъ (одна).

Я сяду у дверей. Хочу все видѣть и даже бровью не моргнуть. (Садится на соломенный стулъ у дверей). — Люди не знаютъ себя; они не знаютъ, какіе они. Только кто самъ не человѣкъ, тотъ знаетъ ихъ. Каждое ихъ слово — ложь и обманъ. Они не знаютъ этого, потому что они сегодня такіе, завтра другіе, смотря по тому, ѣли они, пили и любили, или нѣтъ. Только тѣло остается нѣкоторое время тѣмъ, что оно есть, и только дѣти имѣютъ разумъ. А взрослые — какъ животные: ни одинъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Когда они счастливы, они плачутъ и стонутъ, а когда они глубоко несчастны, они радуются всякому пустяку. Удивительно, какъ голодъ лишаетъ людей силы чувствовать несчастье. Но когда они насытились, они превращаютъ міръ въ мѣсто пытки и бросаютъ свою жизнь для удовлетворенія минутнаго каприза. Были ли когда-нибудь люди, которыхъ любовь сдѣлала счастливыми? — Что же такое счастье, какъ не то, что они могутъ лучше спать и все забыть? Благодарю тебя, Создатель, что ты сотворилъ меня не такой, какъ они — я не человѣкъ. Мое тѣло не имѣетъ ничего общаго съ человѣческими тѣлами. А человѣческая ли у меня душа? — Измученные люди носятъ маленькое, эгоистическое сердце въ своей груди; я же знаю, что это не моя заслуга, если я все отдаю, всѣмъ жертвую...

(Лулу открываетъ дверь и впускаетъ д-ра Гильтца. Гешвицъ, незамѣченная обоими, остается неподвижной на стулѣ).

Лулу.

Откуда вы такъ поздно, сэръ?

Д-ръ Гильтцъ.

Я былъ въ театрѣ. Тамъ двѣ тысячи женщинъ одновременно подымали правую ногу, а потомъ эти же 2 тысячи женщинъ одновременно поднимали лѣвую ногу. Никогда я до этого не видалъ такихъ красивыхъ дѣвицъ.

Лулу.

Не видали? Но вы вѣдь не англичанинъ?

Д-ръ Гильтцъ.

Нѣтъ. Я здѣсь всего двѣ недѣли. А вы родились въ Лондонѣ?

Лулу.

Нѣтъ, сэръ, я француженка.

Д-ръ Гильтцъ.

А, вы француженка?

Лулу.

Да, мосье, я парижанка.

Д-ръ Гильтцъ.

Я пріѣхалъ изъ Парижа, гдѣ пробылъ недѣлю.

Лулу.

Тамъ больше веселятся, чѣмъ здѣсь. Вы не находите?

Д-ръ Гильтцъ.

Да. Я каждый день бывалъ въ Луврѣ. Я любовался картинами, но я не французъ. Я изъ Цюриха, изъ Швейцаріи.

Лулу.

Это французская Швейцарія?

Д-ръ Гильтцъ.

Нѣтъ, Цюрихъ въ нѣмецкой Швейцаріи.

Лулу.

Такъ вы значитъ говорите по нѣмецки?

Д-ръ Гильтцъ.

Говорите вы по нѣмецки?

Лулу.

Немножко, потому что мой бывшій любовникъ былъ нѣмецъ. Онъ былъ, кажется, изъ Берлина.

Д-ръ Гильтцъ.

Чортъ возьми, какъ это меня радуетъ, что вы говорите по нѣмецки.

Лулу.

Ты останешься у меня на ночь?

Д-ръ Гильтцъ.

Но у меня только 5 шиллинговъ. Я никогда не беру больше съ собой, когда выхожу.

Лулу.

Этого достаточно, потому что это ты! У тебя такіе нѣжные глаза. Обними меня!

Д-ръ Гильтцъ.

Небо, Боже, дьяволъ, сакраменто...

Лулу.

Прошу тебя, перестань.

Д-ръ Гильтцъ.

Клянусь дьяволомъ, это я первый разъ пошелъ съ женщиной. Ты можешь мнѣ повѣрить. Сакраментъ, я себѣ представлялъ это [illegible] е!

Лулу.

Ты женатъ?

Д-ръ Гильтцъ.

Громъ и молнія! Почему ты думаешь, что я женатъ? — Нѣтъ, я приватъ-доцентъ; я читаю философію въ университетѣ. Сакраментъ, я изъ старинной патриціанской семьи и, студентомъ, получалъ карманныхъ денегъ только 2 франковыя монетки и находилъ имъ лучшее употребленіе, чѣмъ на женщинъ.

Лулу.

Потому-то ты и не былъ никогда у женщины?

Д-ръ Гильтцъ.

Именно! Именно! Но теперь это мнѣ нужно. Я обручился сегодня вечеромъ съ дочерью одного базельскаго патриція. Она здѣсь гувернанткой.

Лулу.

Твоя невѣста красива?

Д-ръ Гильтцъ.

Да, у нея два милліона. — Мнѣ очень любопытно, какъ это мнѣ покажется.

Лулу (отбрасывая назадъ свои волосы).

Quelle chance! (Подымается и беретъ лампу). Eh bien, пойдемъ, мой философъ! (Ведетъ д-ра Гильтца въ свою каморку и закрываетъ снутри двери на задвижку).

(Гешвицъ вынимаетъ изъ кармана маленькій черный револьверъ и направляетъ его на свой лобъ)...

Д-ръ Гильтцъ (рветъ снутри дверь и выскакиваетъ изъ комнаты).

О, сумасшедшій хаибъ — — тамъ кто-то лежитъ!

Лулу (съ лампой въ рукѣ, беретъ его за рукавъ).

Останься у меня!

Д-ръ Гильтцъ.

Мертвецъ! — Трупъ!

Лулу.

Останься у меня, останься!

Д-ръ Гильтцъ (освобождаясь).

Тамъ лежитъ трупъ — небо и звѣзды! Хаибъ?

Лулу.

Останься у меня!

Д-ръ Гильтцъ.

Гдѣ тутъ выйти? (Замѣтивъ Гешвицъ). Это что за дьяволъ?

Лулу.

Прошу тебя, останься!

Д-ръ Гильтцъ.

Тьфу, пропасть! (уходитъ въ среднюю дверь).

Лулу.

Останься!—Останься! (Бросается за нимъ).

Гешвицъ (одна, опускаетъ револьверъ).

Лучше повѣситься! Когда она увидитъ меня сегодня плавающей въ крови, она даже слезы не проронитъ надо мной. Я всегда была для нея только удобнымъ орудіемъ, которое годилось для самыхъ тяжелыхъ работъ. Съ перваго же дня, она отъ всей души презирала меня.—Не лучше ли бро-

ситься съ Тоуэрскаго моста?—Что холоднѣе: вода или ея сердце?—Я бы мечтала, пока не потонула бы.—Лучше повѣситься!—Зарѣзаться?—Гм, ничего изъ этого не выйдетъ.—Какъ часто я грезила, что она цѣлуетъ меня! Еще только одну минуту—вдругъ сова застучитъ въ окно и я просыпаюсь.—Лучше повѣситься!—Нѣтъ, не въ Темзу. Вода слишкомъ чиста для меня. (Внезапно вскакивая). Вотъ! —Вотъ!—Вотъ оно!—Скорѣе! Раньше, чѣмъ она прійдетъ! (Беретъ со стѣны ремень отъ плэда, становится на стулъ, укрѣпляетъ ремень у крюка, торчащаго въ дверяхъ, кладетъ ремень вокругъ шеи, отталкиваетъ ногами стулъ и падаетъ на полъ).—Проклятая жизнь!—Проклятая жизнь!—А если она еще предстоитъ мнѣ?—Дай мнѣ только заговорить къ твоему сердцу, ангелъ мой! Но ты холодна!—Я еще не должна уходить!—Послушай, Лулу, я еще не должна уходить!—(Тащится къ портрету Лулу, падаетъ передъ нимъ на колѣни и складываетъ руки). Мой обожаемый ангелъ! Моя любовь! моя путеводная звѣзда!—Сжалься надо мной, сжалься надо мной, сжалься надо мной!

(Лулу отворяетъ дверь и пропускаетъ Джэка. Это плотный человѣкъ съ гибкими движеніями, блѣднымъ лицомъ, воспаленными глазами, [illegible]вно изогнутыми бровями, висячими усами, жидкой козлиной бородой, косматыми бакенбардами и красными руками съ обгрызанными ногтями. Взоръ его устремленъ въ землю. Онъ носитъ темное пальто и небольшую круглую фетровую шляпу).

Джэкъ (замѣтивъ Гешвицъ).

Кто это?

Лулу.

Моя сестра, сэръ. Она помѣшана. Она всегда слѣдуетъ за мной.

Джэкъ.

У васъ очень красивый ротъ, когда вы говорите.

Лулу.

Вы шутите!

Джэкъ.

Вы понимаете свое дѣло.

Лулу.

Да, сэръ.

Джэкъ.

Вы не англичанка?

Лулу.

Нѣтъ, сэръ, я нѣмка.

Джэкъ.

Откуда у васъ такой прекрасный ротикъ?

Лулу.

Отъ моей матери, сэръ.

Джэкъ.

Это я знаю. Сколько вамъ нужно? Я не могу тратить много денегъ.

Лулу.

Развѣ вы не останетесь у меня на всю ночь, сэръ?

Джэкъ.

Нѣтъ, не имѣю времени. Я человѣкъ женатый.

Лулу.

Вы скажете, что прозѣвали послѣдній омнибусъ и провели ночь у одного изъ своихъ друзей.

Джэкъ.

Сколько вамъ нужно?

Лулу.

Фунтъ.

Джэкъ.

Прощайте. (Хочетъ уходить).

Лулу (задерживая его).

Оставайтесь, оставайтесь!

Джэкъ (проходитъ мимо Гешвицъ и открываетъ перегородку).

Почему вы хотите, чтобы я остался здѣсь всю ночь? Это подозрительно. Когда я усну, вы очистите мои карманы.

Лулу.

Я этого не дѣлаю. Не уходите, сэръ, умоляю васъ.

Джэкъ.

Сколько вамъ нужно?

Лулу.

Дайте мнѣ восемь шиллинговъ.

Джэкъ.

Это слишкомъ много. Вы начинающая?

Лулу.

Я только начинаю сегодня.

(Бросаетъ Гешвицъ, выпрямившуюся передъ Джэкомъ, на полъ).

Джэкъ.

Оставьте ее, это не ваша сестра. Она васъ любитъ. (Гладитъ Гешвицъ по головѣ). Бѣдное животное!

Лулу.

О, мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы пробыли со мной всю ночь.

Джэкъ.

Былъ у васъ когда-нибудь ребенокъ.

Лулу.

Нѣтъ, сэръ, никогда. Но я была хорошенькой женщиной.

Джэкъ.

Есть у васъ другъ, съ которымъ вы живете?

Лулу.

Мы совсѣмъ одни, сэръ.

Джэкъ (топнувъ ногой).

Кто живетъ тамъ, внизу?

Лулу.

Никто. Квартира сдается.

Джэкъ.

Я судилъ о васъ по вашей походкѣ. Я видѣлъ, что вы прекрасно сложены и сказалъ себѣ: у нея долженъ быть очень выразительный ротъ.

Лулу.

Вы, кажется, влюбились въ мой ротъ?

Джэкъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ.

Лулу.

Что вы такъ пристально на меня смотрите?

Джэкъ.

У меня всего одинъ шиллингъ.

Лулу.

Ну хорошо, дайте мнѣ шиллингъ.

Джэкъ.

Мнѣ надо шесть пэнсовъ сдачи. Завтра утромъ прійдется поѣхать въ омнибусѣ.

Лулу.

У меня нѣтъ ни одного пенса.

Джэкъ.

Ну, хорошо, поищите у себя въ карманѣ.

Лулу (обыскивая свой карманъ).

Нѣтъ ничего!

Джэкъ.

Дайте-ка мнѣ посмотрѣть!

Лулу.

Вотъ все, что у меня есть.

(Держитъ въ рукахъ 10 шиллинговую монету).

Джэкъ.

Они бы мнѣ какъ разъ пригодились.

Лулу.

Я ихъ размѣняю завтра утромъ.

Джэкъ.

Дайте ихъ мнѣ.

(Лулу даетъ ему деньги и беретъ лампу со стола).

Джэкъ (передъ портретомъ Лулу).

Вы женщина изъ общества. Вы позаботились о себѣ.

Лулу (открывая перегородку).

Идемъ, идемъ!

Джэкъ.

Свѣта не надо! Свѣтитъ мѣсяцъ.

Лулу.

Какъ вамъ угодно, сэръ. (Бросаясь ему на шею). Я бы не хотѣла причинить вамъ никакого зла. Я васъ люблю, но вы не доводите меня до того, чтобы мнѣ пришлось зазывать еще кого-нибудь.

Джэкъ.

Хорошо! (Слѣдуетъ за ней за перегородку).

(Лампа тухнетъ. На полу, близь оконъ, появляются два четыреугольныхъ, свѣтлыхъ пятна).

Гешвицъ (одна, говоритъ точно во снѣ).

Это послѣдній вечеръ, который я провела съ этимъ народомъ. — Я вернусь въ Германію. Мать моя пришлетъ мнѣ денегъ на дорогу. — Я запишусь въ студентки. — Я должна бороться за права женщины, буду изучать юриспруденцію.

Лулу (босая, въ рубахѣ и юбкѣ, съ крикомъ открываетъ дверь и держитъ ее снаружи).

Помогите, помогите!

Гешвицъ (бросается къ двери, вынимаетъ револьверъ и направляетъ его прикрывая собой Лулу, на дверь. Къ Лулу).

Пусти!

Джекъ наклонившись, силой открываетъ дверь и пыряетъ Гешвицъ ножемъ въ животъ. Гешвицъ стрѣляетъ въ потолокъ и со стономъ падаетъ).

Джэкъ (вырываетъ у нея револьверъ и бросается къ выходной двери).

Чортъ возьми! Нѣтъ рта красивѣе на свѣтѣ!

(Потъ льется у него съ головы, руки его въ крови. Онъ тяжело дышетъ и смотритъ широко открытыми глазами въ полъ

Лулу дрожа всѣми членами, дико озирается кругомъ. Вдругъ она хватаетъ бутылку съ виски, разбиваетъ ее объ столъ и бросается на Джэка съ горлышкомъ отъ бутылки въ рукѣ.

Джэкъ вытягиваетъ правую ногу и бросаетъ ею Лулу на полъ, на спину. Затѣмъ подымаетъ ее съ полу).

Лулу.

Нѣтъ, нѣтъ! Пожалѣй меня! Убійца! Они меня измучили! — Полиція!

Джэкъ.

Замолчите! Вы живы и здоровы!

(Унсситъ ее за перегородку).

Лулу (извнутри).

О, не дѣлайте этого, не дѣлайте, нѣтъ!

Джэкъ (Вскорѣ возвращается, ставитъ умывальную чашку на цвѣточный столикъ).

Тяжелая была работа! (Моетъ руки). Я счастливый человѣкъ, что нашелъ этотъ uuicum. (Ищетъ полотенце). Здѣсь нѣтъ даже ведра! Очень ужъ тутъ бѣдно! (Вытираетъ руки объ нижнюю юбку Гешвицъ). Ну, хорошо, это чудовище спаслось отъ меня. Въ другой разъ вамъ будетъ конецъ.

(Уходитъ черезъ среднюю дверь).

Гешвицъ (одна)

Лулу! Ангелъ мой! — Дай еще разъ посмотрѣть на тебя! — Я съ тобой! Останусь съ тобой навѣки! (Падая на локти). О, проклятіе! (Умираетъ).

КОНЕЦЪ.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
LIÉGE